

Баркова Ольга Николаевна (МГУ).

Организация повседневного быта эмигрантского социума: от сохранения национальных традиций к восприятию иноземной обыденности. 1918–1939 гг.

Как известно, отличительная особенность российской эмиграции «первой послереволюционной волны» состояла в её бережном отношении к национальным традициям и культурному наследию покинутой России. Эмигранты стремились сохранить приверженность своим историческим корням, обеспечив преемственность бытия. Но реальность эмигрантской действительности 1917–1939 гг. в значительной степени повлияла на характер повседневной жизни и особенности организации быта в изгнании. Случилось так, что ситуация вынужденной эмиграции резко изменила не только жизненный уклад, но и социальные роли внутри семей российских беженцев. Многим женщинам русского зарубежья «первой послереволюционной волны», жившим до эмиграции на иждивении родителей и мужей, пришлось не только самим заниматься вопросами организации повседневной жизни своей семьи, готовить еду, убирать жильё и др., но и искать любую работу, которая бы оплачивалась. В условиях эмиграции многие из них, выросшие в семьях, где все в доме делала только прислуга: горничные, кухарки и повара, смогли сами научиться готовить и кормить себя, своих близких и родных. Это было экономичнее и гораздо вкуснее, чем питаться в дешёвых закусочных и кафе, поскольку регулярное посещение ресторанов хорошего уровня было доступно лишь очень ограниченному числу российских эмигрантов.

Составляя меньшую часть эмиграции (в среднем беженки из России составляли 30–40 % от общего числа русской колонии), женщины играли в ней чрезвычайно важную роль [1, с. 55–59]. Оказавшись на чужбине, они не только менее эмоционально воспринимали изменение своего социального статуса, но и легче преодолевали языковой барьер, быстрее психологически и социально адаптировались. Подобная женская поведенческая психология, определявшая способы их восприятия действительности, существенным образом влияла на формирование и складывание принципиально важных норм эмигрантской повседневности и быта. В оценке способности женщин к адаптации в новой стране у современных исследователей русского зарубежья XX в. нет единого мнения: одни считают, что в условиях резких перемен женщины всегда более социальны, более предприимчивы и успешны; другие – что женщины, как и дети, представляют собой наиболее уязвимую часть мигрантов. Показательно, что среди мужчин в эмиграции число самоубийств было в 4 раза выше, чем у женщин, объяснением чего служит ряд причин. Во-первых, инстинкт самосохранения у женщин значительно сильнее, чем у мужчин; во-вторых, женщины в меньшей степени подвержены действию длительного эмоционального напряжения, так как они постоянно снимают его за счет общения с подругами, знакомыми и детьми. В-третьих, у женщин реже разрушается система жизненных ценностей и происходит утрата смысла жизни, так как многие из них видят свое назначение в решении конкретных, «земных» задач: приготовлении обеда, уборки дома, воспитании детей. И, наконец, в силу физиологических особенностей организм женщины успешнее справляется с эмоциональными порывами, чем организм мужчины [2, с.157–158].

Со временем для многих российских эмигранток «первой послереволюционной волны» умение самостоятельно готовить еду стало предметом особой гордости и самоуважения, средством поддержания важных коммуникативных отношений внутри эмигрантской общины и определённым способом сохранения русских кулинарных традиций в изгнании. Полезным подспорьем для женщин русского зарубежья 1917–1939 гг. явилась кулинарная книга Е.И. Молоховец «Подарок молодым хозяйкам или средство к уменьшению расходов в домашнем хозяйстве», содержащая в зависимости от года издания, от 1500 до 4500 рецептов. Это классическая кулинарная книга, изданная в России еще в 1861 г., выдержала 29 изданий, общий тираж которых составил около 300 тысяч экземпляров, была бережно сохранена многими эмигрантскими семьями. Она стала настольной книгой и руководством по ведению домашнего хозяйства для большого числа женщин-эмигранток [3, с. 60–66].

Женщины российского зарубежья 1917–1939 гг., пережившие голод и нужду, ужасы революции и гражданской войны в России научились в условиях эмиграции готовить из весьма ограниченного набора продуктов, таких как капуста, картошка, овощи, крупы и т.д., что и составляло исконно русскую «славянскую» кухню, всегда ориентированную на простые ингредиенты. Так, в приготовлении еды у беженцев из России во Франции особым спросом пользовался чёрный хлеб, который активно употребляли для закусок — канapé и простых бутербродов с маслом [4, с. 41–42]. Как известно, чёрный хлеб во Франции был в те времена очень дешёвым и использовался почти исключительно для откорма скота.

В домах эмигрантов из России не было хорошей бытовой техники, которая помогала бы женщинам в ведении домашнего хозяйства. В случае необходимости все, что было в доме, можно было бы собрать за несколько часов, упаковав в коробки для того, чтобы переехать на новое место жительства. Именно поэтому «чемоданные настроения» были, с одной стороны, показателем упрощенной системы приготовления пищи, несмотря на то, что «русские хозяйки-эмигрантки всегда тщательнейшим образом нарезали овощи на крошечные кусочки» [4, с. 31]. С другой стороны, позволяли использовать простые и доступные рецепты русской кухни — супы, каши, пироги и пирожки и т.д., при том, что «традиционная кастрюля с супом, которая целый день стояла на плите, нередко служила последним прибежищем всех продуктов, какие имелись в доме» [4, с. 55]. В то же время в эмиграции существовало большое количество русских ресторанов, кафе, блинных и др., рассчитанных на классические русские рецепты и широкий ассортимент блюд. Так, например, в «Русском Константинополе» большим успехом пользовались рестораны, где хорошо готовили борщ. Рестораны «Уголок» и ресторан-кабаре «Эрмитаж», где поваром был бывший губернатор, часто посещали и богатые иностранные клиенты, любившие русскую кухню. «Зернистая икра, филипповские пирожки, сминовская водка, украинский борщ дразнили аппетит, взывали к желудку», — вспоминал эмигрант А.Н. Вертинский [5, с. 16]. Кондитерские «Москва» и «Петроград», открытые русскими эмигрантами в Константинополе, славились своими пирожками и куличами. Альманах «Русские на Босфоре» писал: «Кафе-кондитерская «Петроград» в жизни Константинополя – это то же, что в былое время знаменитое кафе Филиппова в Москве и Петрограде. Это – русские кафе-кондитерские, где все изготовлено и подано по-русски, в соответствии с русскими привычками и размахом. Только тут, в «Петрограде» посетитель получит кофе, шоколад, пирожные, пирожки, кулич и творожную пасху, изготовленную точно так же, как это делалось в России» [6, с. 15].

Многие рецепты традиционной русской кухни, унаследованные женщинами-эмигрантками от их мам и бабушек, были приспособлены в условиях изгнания к особенностям страны проживания беженцев из России. Среди тех, кто сохранил для нас фамильные и традиционные рецепты русской кухни в эмиграции 1917–1939 гг. были: В.М. Вайнберг-Мартин (урожд. Хавкина), Т. Б. Вайншенкер (урожд. Соголова), А.В. Сосинская (урожд. Чернова), С.Н. Тумаркина (урожд. Рудковская) и др. [7, с. 81–83]. Так, например, эмигрантка Б.В. Виноградова (1910–1995), уехавшая из России в 1920-е гг. и обосновавшаяся в Иране, где долгое время работала в ресторане, добавляла рис и восточные специи практически во все блюда русской кухни, пытаясь таким образом адаптировать их к национальным рецептам; эмигрантка В.В. Венгерова (1906–1996), проживавшая некоторое время вместе с мужем-фотографом в Эквадоре, рекомендовала готовить многие русские салаты, используя морепродукты, креветки и рыбу.

Уникальные по своей оригинальности и простоте рецепты горячих супов — «Борщ русский», «Борщ польский», «Борщ украинский», «Борщ зеленый», «Борщ постный» и др. оставила потомкам С.Д. Набокова (1899–1982) — дочь Д.Д. Набокова, старшего сына министра юстиции при Александре II и Александре III, двоюродная сестра писателя В.В. Набокова [8, с. 285–281]. Автор книги «200 блюд русского зарубежья. Рецепты классической кухни» Линн Виссон считала С.Д. Набокову «одним из самых талантливых в русском зарубежье творцов в области кулинарного искусства» [4, с.20]. Известно, что «композитор Игорь Стравинский так любил пирожки Софьи Дмитриевны, что Набоковым приходилось каждый год привозить их ему на

русскую Пасху» [4, с.20]. Сторонница традиционного семейного уклада жизни, ревностная хранительница домашнего очага, хлебосольная хозяйка, эмигрантка С.Д. Набокова знала, любила и высоко ценила национальные рецепты русской кухни, специфику и культуру приготовления различных блюд.

Самобытные рецепты домашних тортов — «Мой любимый шоколадный торт», лимонный «Мамин», «Бобесь», «Ректор», печенья «Мое сибирское», десерта рисового «Императрица» и др. сохранила для потомков Е.М. Бельская (1884–1978), жившая в эмиграции в Германии, Франции и США [4, с.167, 169, 172, 183, 192]. Старинные рецепты варенья из редиса с медом, сухариков и пряников оставила потомкам преподаватель русского языка в Колумбийском университете в Нью-Йорке Р.С. Рискина (1902–1991) [4, с. 183, 185, 198]; рецепт мягкого печенья «Аратун», печенья с маком и печенья лимонного — С.М. Гельман (1880–1972), прожившая более 40 лет в США, принципиально не говорившая ни единого слова по-английски [4, с. 180, 184, 188] и др.

Таким образом, различные рецепты русской кухни — уникальные фамильные и традиционные, многократно апробированные, дополненные и усовершенствованные женщинами русского зарубежья 1917–1939 гг. смогли оставить свой значимый след в истории кулинарного искусства XX в., став не только элементом сохранения национальной идентичности в сложных условиях эмигрантской повседневности, но и некоторой попыткой их адаптации к восприятию в иноземной обыденности. «Невзирая на самые разные политические и религиозные взгляды и различные профессиональные занятия, у всех эмигрантов, мужчин и женщин, старых и молодых, был, однако, и один общий интерес — еда, и в особенности русская кухня. Кулинарные вопросы обсуждались с той же именной серьезностью, с какой эмигранты подходили к любой теме. Гастрономия для них была творческой областью почти в такой же степени, как живопись, музыка и балет» [4, с. 21]. В результате чего, русская кухня и её национальные традиции: культура питания и способы приготовления еды, особенности и правила кулинарии, определённая манера потребления пищи и др., как и организация эмигрантского быта, стали одним из важных культурных сегментов повседневной жизни эмигрантского социума «первой послереволюционной волны».

Цель данного доклада — акцентировать внимание слушателей на вопросах организации повседневного быта российского эмигрантского социума 1917–1939 гг. и особой роли женщин русского зарубежья «первой послереволюционной волны» в сохранении рецептов национальной кухни в изгнании, и попытках их адаптации к иноземной обыденности.

1. Баркова О.Н. К вопросу о численности, гендерном и социальном составе русской эмиграции во Франции в 1920–1930-х гг. // КЛИО. 2013. № 2 (74).

2. Ионцев В.А., Лебедева К.М., Назаров М.В., Окорочков А.В. Эмиграция и репатриация в России. М., 2001.

3. Баркова О.Н. Женщины российского зарубежья 1917–1939 гг. и сохранение рецептов традиционной русской кухни в эмиграции. История еды и традиции питания народов мира. Сб. статей. М. 2015.

4. Виссон Л. 200 блюд русского зарубежья. Рецепты классической кухни. М., 2008.

5. Вертинский А. Записки русского Пьеро. Нью-Йорк, 1982.

6. Русские на Босфоре. Стамбул. 1928.

7. Баркова О.Н. Роль женщин российского зарубежья 1917–1939 гг. в сохранении традиций русского кулинарного искусства в эмиграции. Питание, «общепит» как отражение психологии людей в прошлом, настоящем и будущем. Сб. статей. СПб. 2014.

8. Баркова О.Н. «Сохраняя память о покинутой России...»: фамильные рецепты традиционной русской кухни эмигрантки С.Д. Набоковой. История еды и традиции питания народов мира. Сб. статей. М. 2016.

Будаева Л.А., соискатель аспирантуры кафедры истории общественных движений и политических партий исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Повседневная жизнь шведов в начале Второй мировой войны в восприятии советского посла А.М. Коллонтай. 1939—1940-е гг.

В период с 1930 по 1945 гг. первая в мире женщина-дипломат Александра Михайловна Коллонтай возглавляла советское представительство в Швеции. Ее дипломатическую деятельность в этой стране принято считать успешной. Среди ярких побед Александры Коллонтай значатся — сохранение Швецией нейтралитета в годы Второй мировой войны (1939–1945) и усилия, дважды содействовавшие выходу Финляндии из войны с Советским Союзом в 1940 г. и 1944 г.[1] Свой пятнадцатилетний опыт дипломатической работы в Стокгольме она отразила во втором томе своих воспоминаний — «Дипломатических дневниках. 1922–1940 гг.», впервые опубликованных в 2001 г. В своих мемуарных записях А.М. Коллонтай, помимо детального описания различных нюансов и тонкостей ее дипломатической работы, в том числе многочисленных встреч с представителями политических кругов Швеции, журналистами, деятелями искусства и др., приводит и ее личные наблюдения об особенностях повседневной жизни и быта шведов, их традициях, нравах, обычаях, праздничной культуре и др. Свои впечатления о пребывании в этой скандинавской стране А.М. Коллонтай отразила и во многочисленных письмах своим друзьям и коллегам.

А.М. Коллонтай отмечала, что Стокгольм — элегантный и красивый город и лично к ней любезный и дружелюбный. [2] Размышляя о национальных чертах характера шведского народа, она неоднократно подчеркивала особую приверженность шведов к следованию традициям, их весьма почтительному отношению к институту монархии в Швеции и др. Советский посол считала, что для шведов особое значение имеет и этикет. «Церемонность здесь присуща не только дипкорпусу, она характерная черта самих шведов. До чего они помешаны на соблюдении титулов и рангов даже при общении между знакомыми и друзьями и на этикете» [3, с. 27], писала А.М. Коллонтай в своих мемуарах. При этом она подчеркивала, что шведы — народ дисциплинированный и выдержанный, находчивый и «обладают даром организовывать быт даже в самых трудных условиях». [4, с. 177]

Сразу после начала Второй мировой войны, когда фашистская Германия вторглась на территорию Польши 1 сентября 1939 г., правительство Швеции заявило о том, что их страна будет соблюдать свою традиционную политику строгого нейтралитета. Однако, несмотря на эти заявления правительства, весь Стокгольм, по мнению А.М. Коллонтай, был «в смятении и тревоге» [3, с. 449]. Она считала, что «все эти заверения властей шведскому народу о том, что война не затронет их страны, мало кого убедили. Беспокойство и угрозы, насыщавшие мировую политику последних лет, научили людей видеть мировые события в их реальном свете» [3, с. 450]. «Война, та самая мировая война, которой все так боялись, но которую капиталистические страны сами подготовили своей империалистической политикой, эта война началась. Не мудрено, что шведы растеряны, сбиты с толку, напуганы... (...) Со дня военного вторжения полчищ Гитлера в Польшу прошло всего два дня, но атмосфера накалена и полна тревожными слухами. Нормальная жизнь пунктуально работающего Стокгольма нарушена» [3, с. 450], — писала А.М. Коллонтай о настроениях шведов в сентябре 1939 г.

Советский полпред А.М. Коллонтай констатировала, что с началом Второй мировой войны весьма серьезные изменения произошли во всех сферах повседневной жизни шведского общества, кардинально затронув его быт и привычный образ жизни. 4 сентября 1939 г. она так описывала увиденные ею изменения в жизни Стокгольма и первые атрибуты войны: «Второй показатель войны я увидела сегодня же в парке Хумлегорден. Это старый, заботливо охраняемый парк в самом центре города, — место для детских игр и отдохновения стариков. Но сегодня он похож на лагерь или военный пункт. По аллеям группами стоят оседланные лошади, на зеленых холеных полянках лошади с болтающимися поводьями ощипывают охраняемую в

парке траву, по которой строго запрещено ступать... Мирная картина Хумлегордена исчезла. И у ручейка с кормушкой для птиц, где стоит надпись: "Здесь играют птицы", птицы уступили место солдатам, которые, усевшись вдаль искусственно проведенного ручейка, бесцеремонно моют сапоги в воде, отведенной для птиц. Непривычная для Стокгольма картина. Да, война началась» [3, с. 451—452]. Далее, пройдя к зданию Технологического института, А.М. Коллонтай заметила, что «и сюда уже забрались атрибуты войны: на задних дворах расставлены артиллерийские орудия и военные, солдаты и офицеры в боевом вооружении, стоят группами, будто ожидают приказа... На Валхаллавеген возле входа в газоубежище разгружают грузовик. Прохожие останавливаются. "Готовимся встретить Гитлера. Шведы всегда умели воевать, сумеем и Гитлера проучить» [3, с. 452].

За первые полтора года войны положение многих жителей в Швеции, как в городах, так и в сельской местности, значительно ухудшилось. А.М. Коллонтай отмечала, что «с одной стороны, шло непрерывное повышение цен на все товары, с другой — правительство встало на путь повышения налоговой системы» [5, л. 115]. Население, по мнению советского полпреда, прекрасно понимало, что «налоги и внутренние займы идут на укрепление милитаризма и широкие массы этим недовольны, они с тревогой глядят в будущее» [5, л. 10]. В шведской прессе в то время подчеркивалось, что «налоговое бремя принимает совершенно ненормальный характер в Швеции» [5, л. 119].

Уже начиная с лета 1940 г. Швеция столкнулась с продовольственной проблемой и правительству страны пришлось прибегнуть к переходу на систему нормирования продовольствия и постепенно ввести довольно жесткую карточную систему. «Хлеб, мука, масло, маргарин, мясо, кофе, чай, крупы, яйца и прочее, а также с января 1942 г. большинство текстильных товаров нормированы. Многие товары исчезли с рынка. Нормы весьма урезанные, особенно ощущают рабочие недостаток в хлебе, масле и мясных припасов» [6, л. 5] — отмечала А.М. Коллонтай в апреле 1942 г. Советский полпред подчеркивала, что «малоимущее население Швеции всегда питается больше рыбой, чем мясом, и сейчас ропщет на дороговизну даже мелкой рыбешки (корюшки)» [6, л. 5], так как в богатой рыбой Швеции в военной обстановке, «когда стране необходимо обеспечить ввоз более существенных импортных товаров (уголь, кокс, ингредиенты для металло и лесообработки) рыба превращается в ходкий предмет обмена и основной улов рыб увозится в Германию» [6, л. 5].

В конце декабря 1940 г. А.М. Коллонтай писала в письме наркому В.М. Молотову: «несмотря на обещание немцев по договору доставлять сюда уголь и кокс, цены на эти товары настолько высоки, что домовладельцы еще сокращают потребление кокса и с нового года в Стокгольме не будет горячей воды для ванн даже и раз в неделю, как практиковалось прошлую зиму. Подобные неудобства раздражают население, которое весьма ощутительно чувствует рост дороговизны на все предметы первой необходимости. Автомобильный транспорт почти весь переведен на генгаз. Все сильнее чувствуется, что Швеция изолирована экономически от всего мира» [5, л. 10].

Высоко оценивая способность шведского народа стойко переносить трудности, в письмах своим друзьям А.М. Коллонтай отмечала, что даже в условиях войны «шведы не теряют присутствия духа и демонстрируют прекрасную дисциплину». [4, с. 177] В мае 1940 г. она так описывает повседневную жизнь в Стокгольме: «здесь много перемен. Европа перестраивается на военный лад. Кофе, мыло, сахар — все по карточкам. В Стокгольме мы почти все время сидим без света, напряжение колоссальное, но у шведов образцовый порядок, и, вопреки трудностям, у них все хорошо организовано» [7, с. 366].

Цель данного доклада — рассмотреть восприятие советского посла А.М. Коллонтай повседневной жизни шведского населения в начале Второй мировой войны на основе источников личного происхождения — дневниковых записей и переписки, а также архивных документов АВП РФ.

1. Будаева Л.А. Дипломатическая деятельность советского посла А.М. Коллонтай в Швеции во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. К вопросу о роли личности в истории международных отношений. // Клио № 9 (129) 2017. С. 195—202
2. Рымко Е.П. Мадам Коллонтай // Современная Европа. М., 2003. С. 99—106.
3. Коллонтай А.М. Дипломатические дневники. 1922–1940. Т. 2. М: Academia, 2001. 543 с.
4. Чернышева О.В., Рогинский В.В. Судьба «Дипломатических дневников» А. М. Коллонтай // Новая и новейшая история. М., 2002. № 5. С. 171—185.
5. АВП РФ. Ф. 06. Оп. 3. Д. 353. П. 26. // [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.http://agk.mid.ru>
6. АВП РФ. Ф. 06. Оп. 4. Д. 280. П. 25. // [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.http://agk.mid.ru>
7. Коллонтай А.М. Революция — великая мятежница. Избранные письма 1901-1952. М.: Советская Россия, 1989. 607 с.

Пользуясь случаем, автор выражает благодарность кандидату исторических наук, доценту Ольге Николаевне Барковой за помощь в подготовке тезисов доклада и вдохновение.

Голиков Кирилл Андреевич, к.б.н., старший преподаватель кафедры региональных исследований факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова.

Национальная специфика восприятия имени и образа цветка в России и в Северной Америке.

В докладе рассматривается проявление невербальной (прежде всего – визуальной) межкультурной коммуникации на социальном уровне в сочетании субъективно-индивидуального и субъективно-социального аспектов на материале сравнительного анализа результатов ежегодных опросов среди членов Российского общества ирисоводов и American Iris Society по определению популярности сортов ирисов (*Iris hybrida*) на протяжении 16-ти лет (1994-2009). Показано, что восприятие окраски и формы цветков сортовых ирисов как в России, так и в Северной Америке происходит в основном на низших когнитивных уровнях. Выявлены различия национальных менталитетов в восприятии продуктов селекции декоративных культур. В США устойчивое предпочтение, которое отдаётся преимущественно одноцветным сортам в холодных тонах, может быть объяснено не только физиологией восприятия, но и на высших когнитивных уровнях: как знак-номинатор (восприятие названий сортов), а также – как знак-сигнификатор, к которому редуцируется символ.

Голубев А.В.

**«Лечение по-американски»:
американская повседневность в советской карикатуре**

В советской картине мира 1920-30-х годов Соединенные Штаты Америки, а точнее, Северо-Американские Соединенные Штаты, САСШ, как принято было называть их в те годы, занимали особое место как в пропаганде, так и в массовом сознании. С одной стороны, на США распространялись все негативные характеристики капиталистической страны. С другой - и на официальном уровне, и в представлениях рядовых граждан, несомненно, присутствовали самые позитивные оценки американской деловитости, эффективности, технической изобретательности.

США рассматривались как крупнейшая капиталистическая страна, важный фактор на мировой арене, и одновременно как важнейший соперник СССР в социальной области. «Советские журналисты в 1920-е годы указывали на американскую промышленность и технологию, когда писали о перспективах социалистического общества; они подчеркивали американские бедность и расизм, когда обличали капитализм; и они обращались к Америке, когда думали о возможных капиталистических партнерах для экономического развития своей страны», - пишет американский исследователь Дж. Брукс.

Видное место занимали США и в советской политической карикатуре. Так, в «Крокодиле» в 1922-1941 гг. было опубликовано 160 карикатур, посвященных США, т.е. около 10 % от общего количества карикатур на международные темы

При этом примерно две трети карикатур касались внешней политики США, отношений с другими странами, их роли в мире, и только треть затрагивала реалии собственно американской жизни, прежде всего политику и экономику.

Но помимо политики, еще одна тема служила постоянным источником вдохновения для карикатуристов. Речь идет о т.н. «американском образе жизни» с его спецификой, некоторые черты которого даже на фоне межвоенной Европы вызывали недоумение и саркастические комментарии.

Конечно, тяжелое положение американских рабочих время от времени подчеркивалось средствами карикатуры. Но в отличие европейских сюжетов, такие темы, как нищета, безработица или низкая заработная плата применительно к США советских карикатуристов интересовали мало. Их первоочередной мишенью являлись характерные для начала 20-х годов, пусть непоследовательные, редкие и малоэффективные, попытки улучшить положение наемных работников. В частности, высмеивались такие меры, как решение Г. Форда принимать на работу инвалидов (очевидно, в первую очередь инвалидов только что закончившейся войны), или меры по улучшению условий труда (например, окраска стен рабочих помещений в соответствующий цвет) и пр.

Даже такое очевидно полезное нововведение как организация врачебных консультаций по радио для лечения моряков в открытом море вызвало резкую критику. На карикатуре И. Малютина «Лечение по-американски» судовой кок, слушая радио, кромсал кровавым ножом бедного матроса (Крокодил. 1923. № 17. С. 764).

Конечно, подобные меры вряд ли можно было назвать существенными социальными реформами, но, во всяком случае, эти шаги никак не ухудшали положения трудящихся; впрочем, большевистская пропаганда всегда выступала против «теории малых дел».

Любопытна карикатура К. Елисеева, вошедшая в цикл под общим названием «Чего добились меньшевики для рабочих» (Крокодил. 1925. № 34. С. 4). Под меньшевиками понималась западная социал-демократия, в Америке практически отсутствующая. Тем не менее и США попали в этот цикл. По версии художника, загадочные «американские меньшевики» бесплатно предоставляли рабочим мебель и электричество – в виде электрического стула (скорее всего, имелся в виду приговор, за несколько лет до этого вынесенный Н. Сакко и Б. Ванцетти).

Темой для карикатуры могли послужить и технические новинки, порой действительно заслуживающие сатирической, даже саркастической оценки. Так, художник К. Ротов откликнулся на изобретение счетчика куриных яиц и машины для порки каторжников, причем последнюю он предложил применить для порки «капиталистических министров» (Крокодил. 1924. № 2. С. 13).

Среди встречающихся в «Крокодиле» сюжетов можно отметить критику американского правосудия (немыслимые по европейским меркам сроки заключения в несколько десятков лет; коррумпированность; особого внимания удостоился знаменитый «обезьяний процесс» 1925 г.)

Время от времени интерес карикатуристов вызвал американский спорт, в частности регби, отличавшийся повышенным уровнем насилия. Например, фотомонтаж Б. Клинка «Детали американского регби» воспроизводил знаменитую картину В.В. Верещагина «Апофеоз войны» - на стадионе после матча осталась гора из черепов игроков (Крокодил. № 13-14. С. 14)..

Доставалось и американской церкви, которая уже в те годы пыталась различными, иногда весьма оригинальными, путями привлечь верующих, например, организовав танцы в храме.

Но вне конкуренции были две темы из американской повседневности. Это - организованная преступность и расовая сегрегация.

Из многотрудной жизни заокеанских гангстеров карикатуристы выделяли два основных мотива. Практически не встречались карикатуры, связанные со столь экзотической чертой американской жизни, как «сухой закон» и контрабанда спиртного, зато неоднократно подчеркивалась, во-первых, безнаказанность крупных гангстеров (что лишнее раз позволяло напомнить о коррумпированном правосудии), и, во-вторых, комментировались громкие дела, связанные с похищениями людей, в первую очередь детей. Причем «киднеппинг» (термин, вошедший в те годы и в русский язык) изображался, как совершенно рядовое явление.

Примером воплощения первой темы может служить карикатура Ю. Ганфа «Неуловимость по-американски», на которой гангстер, которого безуспешно разыскивает полиция, раздает автографы в толпе поклонников (Крокодил. 1935. № 11. С. 16).

Что же касается похищения детей, тут сюжеты могли быть самыми неожиданными. Так, К. Ротов (карикатура называлась «Еще одна жертва американского кризиса») посочувствовал незадачливому гангстеру, который похитил ребенка, отец которого только что обанкротился (Крокодил. 1932. № 20. С. 12). А вот Л. Генч с пониманием отнесся уже к жертвам киднеппинга. На его рисунке «На разных языках» женщина жаловалась: трудно иметь детей в Америке, нет средств. Ее богатая собеседница уточняла: да, на выкуп... (Крокодил. 1936. № 4. С. 5).

Столь же привычными, обыденными выглядели в представлении советских авторов расправы над чернокожими жителями Америки, знаменитые «суды Линча». Пастор прерывал собрание христианской молодежи, чтобы повесить негра; плантатор радовался достижениям технического прогресса: репортаж о суде Линча можно было услышать по радио; даже вид негра, играющего на скрипке, вызывал у слушателей мысли о виселице... И, возможно даже независимо от замысла карикатуриста, именно обыденность таких ситуаций производила наиболее сильное впечатление.

Какой же образ повседневной Америки предстал перед глазами читателя «Крокодила»?

Это, в первую очередь, страна небоскребов; «одноэтажная Америка», по известному выражению И. Ильфа и Е. Петрова, на страницы «Крокодила» практически не попадала.

Америка - страна технических новинок, хотя «Крокодил», в силу собственной специфики, и склонен был рассматривать их с иронией.

Это страна, больная коррупцией; страна, где гангстеры похищают детей, проповедники линчуют негров, а банкиры выбрасываются из окон; страна, в которой процветание сменяется кризисом - но не наоборот...

Голубинский А. А.

Ожидания от переезда в Россию – по переписке одного из академиков Академии наук И.-Н. Делиля.

России, подобно многим государствам, приходилось приглашать иностранных специалистов – военных, инженеров, ученых, врачей. Переезд будоражил умы, условия переезда и специфика трудоустройства иногда становились предметом долгого обсуждения как в домашнем кругу, так и в среде коллег – уезжавшего в неизвестную и далекую Россию провожали сомнениями, сожалениями и опасениями. Наибольшее влияние этот обмен мнениями имел тогда, когда решение о приезде в Россию принималось первыми учеными, приглашенными Петром Великим для формирования Академии Наук (1725 г.). Для них положительная характеристика российских условий практически отсутствовала. Им приходилось мириться с фактом отсутствия подготовленной лаборатории, инструментальной базы (существовала практически только та, которая привезена самостоятельно), обсерватории, проблемами с формированием ближайшего подготовленного к восприятию идей круга. Чем могли привлечь иностранных специалистов отечественные чиновники – для ученых это высокий заработок, хорошие условия для работы и для проживания, перспективы для научных открытий, в известной мере компенсировав безукоризненной организацией повседневности недостатки в остальном.

В этой связи можно показателен опыт И.-Н. Делиля, французского астронома и географа, бывшего одним из первых ученых, приехавших в Россию в период создания российской Академии наук. В Национальных архивах и архиве Национальной ассамблеи сохранилась его научная и личная переписка, приливающая свет на проблемы: 1) ожидание от переезда в Россию; 2) возможности включения России в систему общеевропейского обмена научной информацией; 3) формирование положительного образа России как высоконаучной державы с привлекательным климатом для профессиональных работников.

Гуськов Андрей Геннадьевич, к.и.н., в.н.с. Центра истории русского феодализма ИРИ РАН

Тема: «Датский резидент Павел Гейнс в столкновении с русской повседневностью».

Петровское время стало годами интенсификации русско-европейских контактов. Приезжая в чужую страну, человек сталкивался с реалиями повседневной жизни, часто резко отличающиеся от жизни в родной стране. Доклад посвящен бытовым казусам, случившимся в 1698 г. во время пребывания в Москве датского посланника Павла Гейнса (Paul Heinz).

А.Б. Едемский (Институт славяноведения РАН)

«Советские будни и праздники в 1953 г. в донесениях югославских дипломатов из Москвы».

Сбор, обобщение, первоначальный анализ и информирование своего руководства о повседневной жизни населения СССР, прежде всего, москвичей, и общественных настроениях, отношении к советскому режиму было одной из важных задач информационно-аналитической работы Посольства ФНРЮ в Москве в конце 1940-х – начале 1950-х гг. В условиях жесткого советско-югославского противостояния, когда контакты дипломатов с обеих сторон беспощадно «санировались», югославские сотрудники посольства в Москве использовали любую возможность для сбора соответствующих данных, их сепарирования (с учетом того, что контакт, по меньшей мере, был продуктом советской тоталитарной системы), верификации с иными доступными данными и подготовки информации для центра. В условиях конфликта, когда относительно свободные разговоры и встречи с советскими собеседниками оказались, практически невозможными, югославы использовали два основных канала для сбора информации, которая после ее обработки, доводилась до руководства. Первый – информацию, собираемую в беседах (с 1951 г. и неформальных) с сотрудниками западных посольств в Москве¹. Второй – периодические контакты с советскими гражданами сферы обслуживания (разговор с горничной, убирающей помещение; с шофером такси, который подвозил дипломата и т.д.), которые тщательно ими фиксировались. В обоих случаях ведущую роль в этом имел атташе посольства Младен Божич, круг обязанностей которого в посольстве, как и его контактная сфера среди коллег других посольств в Москве были весьма обширны. Божич, хорошо владевший, помимо русского, несколькими иностранными языками и обладавший умением кратко и емко излагать в письменном виде добытую информацию, умело передавая и заковыченные цитаты, и смысл, и общий настрой. Подготовленные таким образом материалы посольство ФНРЮ в Москве направляло во внешнеполитическое ведомство ФНРЮ, с января 1953 г. Государственный секретариат по иностранным делам, в котором, помимо профильного Отдела, занимавшегося Советским Союзом и странами Восточной Европы («порабощенными народами», по официальной югославской терминологии периода жесткого советско-югославского идеологического конфликта 1948-1953 гг.), действовал также и Координационный отдел. Он выполнявший функции координации разведывательной деятельности в дипломатических представительствах Югославии за рубежом.

Ослабления, произошедшие в регулировании деятельности зарубежных дипломатов в СССР, произошедшие в первые недели после смерти И.В.Сталина, сказались в положительном смысле и на деятельности югославских дипломатов в СССР. Югославское руководство постаралось воспользоваться этим в полной мере. С целями тщательного наблюдения за новыми процессами в Советском Союзе в Белграде был выработан детальный план действий, направленных на извлечение более ощутимых результатов из знаков внимания, оказываемых советской стороной югославам уже в первые недели после смерти советского вождя. Среди предлагаемых посольству мер были и конкретные рекомендации по сбору информации¹⁶⁹. В частности, предписывалось «внимательно изучать отношение к дипломатам посольства со стороны сотрудников госбезопасности, занятых слежкой за ними, поведение МИД, Протокольного отдела и Бюробина (Бюро по работе с иностранцами МИД СССР. – А. Е.), отношение русских к сотрудникам посольства Югославии на тех приемах, где и они присутствуют. Также предписывалось «время от времени просить разрешения на организацию загородных пикников, посещение традиционных для визитов дипломатического корпуса мест, внимательно отслеживая реакцию русских». Особо оговаривалась необходимость «получения

¹ По всей вероятности, именно таким образом был собран материал, очернявший светлый облик советской столицы – первого в мире социалистического государства, и подготовлена соответствующая справка (1952 г.) о ночной жизни Москвы, ее спецресторанах, где основными клиентами были иностранцы, валютной проституции.

разрешений на поездки на поезде в Ленинград, Варшаву, Хельсинки, Тегеран». «Словом, от советского МИД следует как можно больше требовать, — указывалось в инструкции, и, если разрешения получены, отправляться в путь на автомобиле или поезде (в Белграде считали необходимым — требовать этого, ссылаясь на льготы, предоставляемые другим дипломатам), ибо это сделает возможным получение качественной информации в результате личного наблюдения»². Эти указания Белграда были приняты в посольстве ФНРЮ в Москве как руководство к действию. Дипломаты постоянно обращались в МИД СССР с такими просьбами. Во второй половине июля 1953 г. свобода передвижения дипломатов была значительно облегчена³.

В эти месяцы югославами в Москве было сделано немало ценных наблюдений. Когда Божич в июле 1953 г. в спешном порядке вернулся в Белград (причины этого исследователями не выяснены⁴), среди оставленных им материалов (доработанных и пересланных из посольства в ГСИД ФНРЮ уже в начале августа т.г.) были: Записка о командировке в Тбилиси/Грузию; сообщение о ситуации в жилищном хозяйстве и планах жилищного строительства; Записка о поездках иностранных дипломатов по Советскому Союзу; Обзор местных кино- и театральные комедий. Разнообразные, хотя и достаточно специфические, сведения о условиях жизни в СССР, имелись и в записях его бесед и их обобщении с дипломатами иностранных посольств в Москве, в том числе Канады и Норвегии⁵.

Традиция освещения советских сюжетов как культурной, так и повседневной жизни, заложенная М. Божичем, с учетом выполнения указаний из Белграда, была продолжена сотрудниками посольства ФНРЮ в Москве в последующие месяцы 1953 г.. Среди отчетов югославских дипломатов доступны материалы о беседах, имевших место с попугайчиками в поездах, заметки о поездке в Ярославль и др.

К числу наиболее характерных и ярких материалов можно отнести записку «О праздновании 7 ноября 1953 г.»⁶, в которой, разумеется, с учетом известных дипломатам провозглашенных мер советского руководства по улучшению жизни населения, были приведены личные наблюдения, записанные по результатам прогулок по центру Москвы в праздничные дни. В описании были самые разные сюжеты, включая стояние в очередях вместе с покупателями-москвичами и гостями столицы, передача их разговоров (опасение, что продаваемый товар вот-вот закончится, что рядом за углом, а тем более в центре столицы — товар всегда дешевле и лучшего качества и о том, что «пусть на демонстрацию идут те, кто уже отоварился»); о проявлениях бытового антисемитизма, навязчивого гостеприимства, выражаемого (в данном случае) в предложениях предельно вежливым посетителям кафе гостям-китайцам выпить и закурить, до неверия властям при одновременной готовности согласиться с тем, что они предлагают и т.п. Среди прочего также и заметки об открытии к праздникам в столице семи продовольственных магазинов и трех с текстильными товарами, а также передача недоумения и слухов по поводу задержки с открытием на Красной площади огромного ГУМа, способного принять ежедневно до 200 тыс. покупателей на 47 тыс. кв.м. торговых площадей с прилавками и витринами общей длиной в 2 тыс. метров. Наряду с этим в справке были строки о довольно

² Дипломатски архив Министарства спољних послова Републике Србије (ДАМСПРС), F. PA. 1953. Fasc. 84. D.9/44380. Arso Milatović 6. IV. 1953 — Ambasada FNRJ, Moskva.

³ 18 июля 1953 г. ГСИД Югославии сообщил советскому посольству в Белграде о том, что его сотрудники имеют право на передвижение по всей стране за исключением пограничных территорий. В ответном уведомлении (на следующий день, 19 июля) работники югославского посольства в Москве получили разрешение на поездки по всему Советскому Союзу, кроме «закрытых районов» (См.: АВП РФ. Ф. 595. Оп. 1. П. 130. Д. 292. Л. 195: Сообщение ТАНЮГ 19 июля 1953 г.).

⁴ В мае 1958 г. во время очередного срока службы М. Божича (вновь в должности атташе) в посольстве ФНРЮ в Москве его имя было связано со скандалами в мае-июне 1958 г. вокруг знаменитого отечественного композитора Н.В. Богословского. См. Культура и власть от Сталина до Горбачева. Документы - Афиани В.Ю. (отв. ред.) - Идеологические комиссии ЦК КПСС. 1958-1964: Документы. М., 1998.

⁵ ДАМСПРС. PA. 1953. Fasc. 86. D.1/411185: Ambasada FNRJ, Moskva (Sekretar Bakrac Ante) 8.VIII.1953. — DSIP-u. I odeljenje.

⁶ ДАМСПРС. PA. 1953. Fasc. 86. D.2/416099: Žagor Iztvani, Zabeleška o proslavi 7.novembra 1953 Moskva. S.1-6.

бесцельном проведении праздников рядовыми москвичами, с неизбежными, ставшими уже традиционными, немотивированными пьяными стычками-драками среди тех, кто смог попасть в ресторан и тяжелым похмельем на следующий день и т.д.

Среди прочих, привлекших внимание событий были: открытие в праздничные дни 6-ти тыс. торговых точек с бутербродами и напитками; одновременный завоз в советскую столицу 2-х тысяч тонн фруктов (яблок и груш), что, по их подсчетам, при 7 млн жителей Москвы и ее пригородов, по 0,5 кг на человека; очередной, на этот раз приуроченный к празднику, вброс на прилавки товаров из КНР - настоящего китайского шелка и текстильных изделий; открытие с 18 ноября т.г. совместного мавзолея с мумиями В.И. Ленина и И.В. Сталина и др. Одним из экспресс-выводов по результатам «включенного наблюдения» в отношении торговой политики советских властей стал вывод о том, что массированная продажа рыбных (прежде всего) полуфабрикатов, которые остается только разогреть дома на кухне, показывает, что «русские будут тем самым копировать большие американские магазины и другие западно-европейские забегаловки, продающие такую продукцию уже десятилетиями».

При чтении документа обращает на себя внимание и тот факт, что в нем, в отличие от прошлых лет, в подходе автора отсутствовало общее негативное отношение к советским мерам, направленным, по всей вероятности, в конечном счете, к тому, чтобы вывести страну из тупика после правления «сталинской деспотии». В тексте было сделано предположение о том, что, с учетом принятых недавних постановлений по улучшению уровня жизни советских граждан, государственный хозяйственный аппарат проявил усилия к тому, чтобы «уже вовремя празднования 7 ноября показать населению хотя бы в течении нескольких дней какой будет жизнь после улучшений, предусмотренных постановлениями». Предпринятые «фактические усилия» властей, по мнению автора записки, были задуманы для того, чтобы «торговая сеть в рамках подготовки к 7 ноября несколько улучшила снабжение и после 7 ноября жизнь протекала как-то “лучше” пусть только в Москве за счет демонстрации «в наиболее чувствительных сегментах (питании, одежде и обуви) того, что новые меры не только пустые обещания, но и что власти действительно серьезно сейчас думают о повышении жизненного уровня».⁷

Общий вывод документа был вполне ожидаем, с элементами идеологических обобщений, заключавшихся в выводе о том, что октябрьские праздники воспринимаются советским населением в Москве как обычные, но более продолжительные выходные дни. Не обошлось и без традиционного выпада в адрес высшей советской бюрократии, аккуратно поданном через высказывание о том, что не каждый желающий обычный человек со стороны может посмотреть парад или пройти в рядах демонстрантов, отбираемых заранее. Объяснение было таким же простым: высшие советские руководители не готовы приветствовать участников праздничного шествия более продолжительное время, чем это отведено протоколом.

С появлением в Москве в конце 1953 г. постоянного корреспондента официального югославского информационного агентства ТАНЮГ акценты в освещении внутривосточных сюжетов в задачах дипломатов в Москве постепенно переместились на последний план. Тем не менее и в последующем, при подготовке соответствующих материалов (т.наз. монографий) для информирования Президента ФНРЮ И.Броз Тито перед встречами с высшими руководителями Советского Союза, Эти «монографии» содержали необходимый раздел, в котором в сжатом обобщенном виде были изложены соответствующие стороны иноземной советской повседневности.

---

⁷ ДАМСПРС . ПА. 1953. Fasc. 86. D.2/416099: Žagor Iztvan, Zabeleška o proslavi 7.novembra 1953 Moskva. S.3; 1; 5-6.

Олег Викторович Звонарев, к.и.н., доцент ИМЦ

Повседневность бытия канадской глубинки в восприятии русского художника А. Алексева

1. Значение романа известного французского писателя Луи Эмона «Мария Шапделен. Рассказ из жизни франкоязычной Канады» как одного из наиболее известных сочинений «деревенского», или «почвеннического» направления, ориентира для целого ряда канадских писателей – современников его автора.

2. Молодой русский художник-иллюстратор Александр Алексеев и его значительный, несмотря на молодость, опыт, накопленный к концу 1920-х годов прошлого века, в графической интерпретации выдающихся литературных произведений.

3. Графические комментарии к роману, выполненные А. Алексеевым в виде двадцать шести иллюстраций в технике литографии, как отражение природных явлений, повседневности и обычаев обитателей «страны Квебек».

4. Анализ эпизодов, выбранных А. Алексеевым для графической интерпретации оригинального текста Луи Эмона показывает: с точки зрения художника, повседневный быт жителей канадской глубинки, франкоязычного Квебека и крестьян из русской деревни имеет много общего в плане патриархальности, культурных традиций и религии, приверженности традиционным ценностям и роли женщины в семье. Иллюстрация с изображением молящейся главной героини романа на передней обложке и её портрет на форзаце как прямое указание на духовную и культурно-религиозную близость жителей канадской глубинки и русской деревни, привлечение внимания читателя к тому, что именно женщина играет самую важную роль в традиционной семье, как «в стране Квебек», так и в России.

5. Графические комментарии А. Алексева с изображением повседневной жизни канадских крестьян к роману Луи Эмона – ещё одно творческое достижение художника, определенный этап в его творческой эволюции, приведшей его к «оживлению» гравюр на экране, созданию «игольчатого экрана» и увлечению анимацией, что и принесло ему всемирную славу.

Звонарева Л.У.

ФРАНЦУЗСКАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ ГЛАЗАМИ ХУДОЖНИКА

1. Анализ французской повседневности в XX веке опирается на свидетельства двух художников – Александра Алексеева (1901, Казань-1982, Париж) и его дочери, Светланы Алексеевой-Рокуэлл (1923, Париж – 2015, США), проживших большую часть своей жизни во Франции. Светлана Александровна выпустила мемуары по-русски и по-английски, Александр Александрович – прочитал их по-французски по радио (переведены на русский после его смерти).

2. Сравнение этих мемуаров показывает, что в детстве, проведённом в Стамбуле (при русском посольстве) и в России (в первом кадетском корпусе) А.А. Алексеев в значительной степени получил французское воспитание: французская повседневность была идеалом для его мамы, дочери православного священника Никандра Полидорова, очевидно, учившейся в одном из институтов благородных девиц. Это касалось французского языка, французской литературы, французского театра, французской музыки, французских танцев и даже французской еды, которые считались в доме Алексеевых абсолютным образцом хорошего вкуса.

3. Дочь Алексеева Светлана, родившаяся и выросшая во Франции, воспитывалась из-за занятости родителей в деревне под Парижем, русского языка почти не знала и сохранила трогательные воспоминания о французской крестьянке и французской няне, подолгу воспитывавших ее. Но жена Алексеева, актриса и художница Александра Гринеvская, в отличие от его матери Марии Никандровны, не склонна была идеализировать французскую повседневность (у нее были для этого поводы – подкармливание младенцев слабыми наркотиками, чтобы не плакали и т.д.) и, вместе с мужем, последовательно противопоставляла ей независимое полубогемное существование, которое у друзей получило насмешливое название «цирк». При этом Алексеев считал в конкретных случаях необходимым положить предел богемным выходкам близких друзей (случай с поэтом Ф. Супо).

4. Во время оккупации Франции фашистами семья Алексеева 6 лет прожила в США, но в 1946 году вернулась в Париж, предпочитая французскую повседневность американской.

5. Влияние французской повседневности на душевное состояние художника оказалось достаточно драматичным: равнодушное отношение рядового французского чиновника, отказавшего художнику в предоставлении грантовых средств для реализации его мечты – постановки автобиографического анимационного фильма, посвященного его бурной жизни; длительные бытовые переговоры о снижении годового налога, проведенные дочерью, необходимость лечиться в парижскую больницу на лечение, уход из жизни любимой жены – все эти обстоятельства удручающе подействовали на впечатлительного восьмидесятилетнего художника, принявшего в результате решение по своей воле уйти из жизни.

6. Г.Д. Гачев в работе «Национальные образы мира» показал французскую и русскую культуры как две различные философии, два разных подхода ко многим основополагающим вещам. Несмотря на долгие годы, проведенные в рамках французской повседневности, именно она подтолкнула русского художника к трагическому финалу.

Народы Южной Европы в сочинении Е.Н. Водовозовой 1875 г.: национальная ментальность через призму повседневности

Елизавета Николаевна Водовозова (1844–1923) вошла в историю отечественной культуры, прежде всего, в качестве авторитетного педагога, детской писательницы и мемуаристки⁸. Вместе с тем, ее большое творческое наследие, привлекающее в последние годы пристальное внимание ученых⁹, все еще, остается недостаточно изученным. Так, в современных научных исследованиях не нашли подробного отражения конкретно-исторические, социокультурные и учебно-воспитательные сюжеты, связанные с главной работой Е.Н. Водовозовой – ее трехтомной книгой «Жизнь европейских народов. Географические рассказы» (СПб., 1875–1883), благодаря которой «массовый» российский читатель впервые получил целостное представление о традиционном культурно-хозяйственном укладе и особенностях национального менталитета представителей подавляющего большинства народов Европы. Она вызвала огромный читательский интерес, прежде всего, в детско-юношеской среде. Так, именно одной из книг трехтомника (т. 2. Жители Севера. СПб., 1878) 30 мая 1883 г. был награжден воспитанник IV класса Симбирской гимназии Владимир Ульянов. Позже сокращенный и переработанный вариант этого во многом уникального для нашей страны просветительского сочинения вышел под названием «Как люди на белом свете живут» в серии «популярных книг для юношества и народного чтения» (т. 1–10; СПб., 1894–1901) и пользовался большой популярностью у читателей.

В первом томе своего изначально трехтомного труда (Жители Юга. СПб., 1875) Е.Н. Водовозова, опираясь на многочисленные опубликованные работы (прежде всего, зарубежные), подробно охарактеризовала повседневную жизнь и обычаи народов Южной Европы. При этом ею была поставлена задача «дать по возможности полную и всестороннюю картину жизни европейских народов, а не одних только привилегированных сословий, или образованных классов, т. е. познакомить с понятиями народа, выражающимися в наиболее распространенных его обычаях, в самом складе его общественной и семейной жизни, со степенью развития в массах и с их экономическим положением», а для этого акцент целенаправленно был сделан «на различных обрядах и обычаях народа, на описании одежды, пищи, на народных увеселениях и суевериях, песнях, жилищах, на домашней обстановке, на положении женщины, на отношениях... различных членов семьи, на положении земледельческого и фабричного сословия, на занятиях народа и на главнейших предметах его промышленного производства, наконец, на характере его политической жизни»¹⁰.

Наиболее содержательно эта задача была реализована, на наш взгляд, на основе материалов, относящихся к «романскому поясу» региона и касающихся истории и культуры итальянцев, французов, испанцев и португальцев. Выделим ряд важных моментов. Во-первых,

---

⁸ См.: Водовозова Е.Н. Из русской жизни и природы. Рассказы для детей. Ч. 1–2. СПб., 1871–1872 (8-е изд.: СПб., 1905); Она же. Умственное и нравственное воспитание детей от первого проявления сознания до восьмилетнего возраста: книга для воспитателей. СПб., 1871 (7-е изд., испр. и доп.: СПб., 1913); Она же. На заре жизни. СПб., 1911 (т. 1–2. М., 1964); Она же. Грезы и действительность. М., 1918; Она же. Царство свободного ребенка: Избранные статьи, практические советы, игры и занятия. М., 2010; и др.

⁹ Горбылева Е.В. Воспитательные ценности в педагогическом наследии Е.Н. Водовозовой: Дис. ... канд. пед. наук. Смоленск, 2002; Она же. Е.Н. Водовозова об эстетических и художественных ценностях воспитания в дошкольном возрасте // Славянский мир: письменность, культура, история: Материалы междунар. науч. конф. Смоленск, 2016. С. 33–37; Педагогические идеи Е.Н. Водовозовой и современность: Материалы междунар. науч.-практич. конф. / Отв. ред. В.Я. Лыкова. Смоленск, 2009; Лыкова В.Я., Горбылева Е.В. Личностно-развивающий и культуросообразный потенциал воспитания в контексте педагогических идей Е.Н. Водовозовой // Изв. Смоленского гос. ун-та. 2014. № 3 (27). С. 278–285; и др.

¹⁰ Водовозова Е. Предисловие // Водовозова Е.Н. Жизнь европейских народов. Географические рассказы. Т. I. Жители Юга. СПб., 1875. С. V. Разд. паг.

именно сквозь призму традиционного культурно-хозяйственного уклада Е.Н. Водовозова весьма успешно реализовала в своей книге как учебно-просветительские, так и воспитательные цели, направленные не только на ознакомление российского читателя с огромным, разнообразным и во многом непривычным ему миром культурно-бытовой повседневности обитателей Средиземноморья, но и на приобщение к гуманистическим духовным ценностям¹¹. Во-вторых, автор не уклонялась от злободневных социальных вопросов, причем, отнюдь не идеализируя (в отличие от многих современников) традиционный архаичный быт как крестьян, так и горожан. Вместе с тем, в работе неоднократно обращалось внимание на ответственность «власть имущих», зачастую не предпринимавших эффективных мер для решения проблем, связанных с бедностью, народным образованием и пр. В таком подходе нашли отражение отголоски личной судьбы Е.Н. Водовозовой: и она сама, и ее первый муж, известный педагог, переводчик и детский писатель В.И. Водовозов (1825-1886) разделяли народнические идеи и не раз подвергались репрессиям со стороны самодержавного правительства. В-третьих, в наши дни вызывают особый научный интерес оценки ряда особенностей национального менталитета жителей отдельных стран Южной Европы. Наконец, в-четвертых, необходимо отметить методы работы с текстом, профессионально использованные автором, включая широкое привлечение материалов крестьянского и городского фольклора.

Книга Е.Н. Водовозовой стала настоящей энциклопедией повседневной жизни Южной Европы последней четверти XIX в., что сыграло важную роль в расширении культурного кругозора российского читателя; позволило ему понять: многие социокультурные и политические проблемы окружающей его действительности имеют общеевропейские корни, однако, решать их на практике нужно с учетом как международного опыта, так и исторической эволюции отечественных культурно-бытовых традиций.

---

¹¹ См. также: *Козлов С.А.* «Родной дом нашей души»: восприятие Италии русскими людьми в XIX – начале XX в. // «Друг – зеркало для друга...»: российско-итальянские общественные и культурные связи, X – XX вв. / Отв. ред. И.В. Поткина; Российская академия наук, Институт российской истории. М., 2013. С. 251–253.

Королева Валентина Алексеевна
кандидат исторических наук
независимый исследователь
г. Москва

Восприятие повседневного быта обитателей Китайского квартала русскими наблюдателями во Владивостоке второй половины XIX – начала XX вв.

Китайцы составляли весьма значительную часть населения дальневосточных городов – Владивостока, Хабаровска, Благовещенска и Читы. Китайские общины строго соблюдали традиции и особенности своей жизнедеятельности не выставляли напоказ инокультурной части горожан.

Однако специфика жизненного уклада численно разраставшейся китайской общины вызывала неподдельный интерес со стороны россиян, европейцев, путешественников из Нового Света, оставивших свои впечатления на страницах дневников, писем, заметок в газетах того времени.

Докладчиком на основе архивных документов, свидетельств периодической печати рассматриваемого времени и научных публикаций по данной тематике рассматриваются особенности жилищных строений, повседневных занятий, трудовой деятельности китайцев во Владивостоке и их досуга.

Особое внимание нацелено на восприятие россиянами искусства, являвшегося неотъемлемой частью жизненного быта китайцев, а также взаимный интерес к определённым сторонам совместной городской жизни.

П.С. Куприянов

Русские и японские «обыкновения» во взаимных описаниях рубежа XVIII-XIX в.

На рубеже XVIII - XIX вв. заметно активизировались русско-японские контакты, что стимулировало взаимный интерес и способствовало более глубокому знакомству с культурой соседней страны как в Японии, так и в России. В это время в обеих странах появляются первые объемные сочинения, составленные на основе непосредственных наблюдений: японцев – в России и россиян – в Японии. Значительное место в них отводится описаниям обыденной жизни в самых разных ее аспектах. В докладе предполагается сопоставить эти описания *иной повседневности* русскими и японскими авторами по ряду параметров: отбор и структура информации, характер сообщаемых сведений, принципы описания и др. Материалами для сопоставления послужат переведенные на русский язык японские сочинения «Краткие вести о скитаниях в северных водах» Кацурагавы Хосю и «Удивительные сведения об окружающих [землю] морях» Оцуки Гэнтаку и Симура Хироюки, а также дневники и мемуары российских авторов И.Ф. Крузенштерна, Е. Е. Левенштерна, В.М. Головнина, А.И. Хлебникова и др.

Малето Е.И.

Достопримечательности Санкт-Петербурга глазами турецкого посла в России Рустем-бея (1871): по материалам АВПРИ.

В Архиве внешней политики России содержится ряд документов, освещающих осмотр достопримечательностей Санкт-Петербурга турецким послом Рустем-беем, «при Высочайшем дворе пребывающим» в мае-июне 1871 года с разрешения и под контролем МИД Российской империи. Переписка сотрудников Азиатского Департамента МИД по вопросу определения круга достопримечательностей и учреждений, подлежащих осмотру и ознакомлению турецким поданным, содержит любопытные детали этой «экскурсии», важные для понимания иноземной (в данном случае русской) повседневности России 70-х гг. XIX столетия и восприятия её обыденности иноземцами.

Мезин Сергей Алексеевич (Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского)

«Анекдоты» француза-современника о повседневной жизни двора императрицы Елизаветы Петровны

В 2016 году руководитель кабинета экспертизы «Оноре д'Юрфе» Рок де Колиньи передал мне для изучения и возможной публикации транскрипцию рукописи «Anecdotes secretes sur la cour de l'Impératrice de toutes les Russies» (1757) («Секретные анекдоты о дворе императрицы Всероссийской»). Рукопись была обнаружена в 2013 году и остаётся неизвестной историкам.

Содержание «Анекдотов» (в XVIII веке это был серьезный жанр «неопубликованных» рассказов о тайных, неизвестных сторонах жизни исторических лиц) касается повседневной жизни, обычаев и замечательных людей при дворе императрицы Елизаветы Петровны. В первую очередь речь идет о распорядке дня и повседневных занятиях русской императрицы, о её столе, нарядах и, конечно же, о её фаворитах.

Повседневная жизнь русского двора середины XVIII века нашла отражение как в записках современников, так и в работах позднейших историков. По традиции, во многом идущей от «Записок» Екатерины II, историки изображают безалаберную жизнь двора «веселой Елисавет» проходящей в «золоченой нищете» (В.О. Ключевский). Устоявшуюся версию попытался опровергнуть Константин Писаренко в книге «Повседневная жизнь русского двора в царствование Елизаветы Петровны». Что нового дают в этом плане «Анекдоты» французского автора, пытавшегося снабдить руководителей внешнеполитического ведомства Франции достоверной информацией? На этот вопрос я постараюсь ответить в своем сообщении.

Невежин В.А., д.и.н. (ИРИ РАН)

«Во чужом пиру... Иностранцы на советских праздничных банкетах (1930-е гг.)»

Повествуется об участии иностранных подданных (дипломатов, общественных деятелей, представителей литературы и искусства) в праздничных банкетах (главным образом – в годовщину Октябрьской революции). Для них такие застолья, которые периодически устраивались в Доме приемов НКВД на Спиридоновке (Москва), являлись одновременно рутинным, обыденным делом. Через призму межкультурной коммуникации выявляются особенности взаимовосприятия «хозяев» (советских участников) и «гостей» (иностранцев) в ходе общения за столом; сосредоточивается внимание на оценке последними элементов и специфики советской праздничной культуры предвоенных лет.

Основные использованные источники – воспоминания, официальная переписка иностранных участников упомянутых банкетов; дневник председателя ВОКС А.Я. Аросева.

Панов Сергей Игоревич
Панова Ольга Юрьевна

Зарубежные деятели культуры-гости Октябрьских торжеств 1927 года о «витринах» и «задворках» советского эксперимента

Широкое празднование 10-й годовщины Октября осенью 1927 г. должно было иметь не только внутри-, но и внешнеполитический смысл: расширение международных контактов, демонстрация силы враждебному буржуазному окружению, пропаганда достижений социализма за рубежом, создание положительного образа страны Советов.

Зарубежные гости Октябрьских торжеств приглашались советскими правительственно-партийными органами и целым рядом советских и международных организаций, участвовавших в подготовке празднования и его центрального мероприятия – Конгресса друзей СССР: Коминтерном (ИККИ), ВЦИК, ВЦСПС, ВОКС, Межрабпом, МОПР и нек. др.

Приглашение на Октябрьские торжества внушительного «десанта» зарубежных интеллектуалов – ученых, писателей, деятелей культуры, журналистов позволяло завербовать в ряды друзей СССР представителей интеллигенции. Деятели культуры и ученые не составляли какой-то особой делегации, а были «рассредоточены» по разным национальным, партийным и профессиональным делегациям. Среди наиболее известных деятелей культуры, ставших гостями Октябрьских торжеств и Конгресса друзей, были писатели Анри Барбюс, Роже Вайян-Кутюрье, Панаит Истрати, Эрнст Толлер, Альфред Курелла, Теодор Драйзер, Синклер Льюис, Никос Казандзакис, художники Диего Ривера, Кете Кёльвиц, Луи Лозовик, Уильям Гроппер, журналисты и литераторы Дороти Томпсон, Леон Муссинак, Анна-Луиза Стронг. Тем не менее, документы и материалы по подготовке Конгресса, отложившиеся в фондах ГА РФ и РГАСПИ, свидетельствуют о том, что организаторы мероприятия, в том числе и такие ключевые фигуры, как Н.И. Бухарин, А.И. Рыков, Г.Н. Мельничанский, А.В. Луначарский, выделяли представителей интеллигенции и, в частности, деятелей культуры в особую группу, с которой проводилась отдельная работа со своими «методами воздействия» для решения специально поставленных задач.

Масштабное празднование десятилетнего юбилея Октябрьской революции стало одним из первых помпезно-показательных сталинских мероприятий в рамках культурной дипломатии СССР. Кроме заседаний Конгресса проходили встречи и беседы с советскими руководителями партии и государства (Рыковым, Бухариным, Сталиным, Луначарским, Мельничанским, Петровским, Томским, Крупской и др.), «культпоказы» (экскурсии на фабрики и заводы, в медицинские, пенитенциарные, образовательные и проч. учреждения), «культпоходы» (театры, концерты, выставки, музеи, клубы, объединения писателей, художников и т.п.), поездки по стране.

Главная цель доклада, в этой связи, – опираясь на как на неизданные источники (фонды РГАСПИ и ГА РФ - отчетная документация по итогам Конгресса друзей СССР, ВОКСовские характеристики зарубежных гостей, отчеты и дневники гидов ВОКСа), так и на опубликованные материалы (статьи, интервью и травелоги зарубежных деятелей культуры-гостей Октябрьских торжеств, советская пресса, освещавшая празднование 10-летия Октября), рассмотреть и проанализировать впечатления зарубежных деятелей культуры от пребывания в Москве, сложившихся как в ходе «культпоказов», так и в результате наблюдений за советской повседневной жизнью и бытом советских людей, выделить топику (набор общих мест) в описаниях советской действительности и индивидуальную специфику восприятия, а также сопоставить советские отчеты о пребывании иностранных делегатов и их впечатлениях, с текстами самих гостей об СССР.

В центре внимания в докладе будут, прежде всего, Т Драйзер и А. Барбюс, пробывшие в СССР длительное время, совершавшие поездки по стране, имевшие возможность наблюдать не только «витрины великого эксперимента», но до некоторой степени и «закулисную»

действительность, оставившие травелоги, статьи, интервью и письма, посвященные поездке в Советский Союз; 2. Д.Томпсон (автор травелога «Новая Россия», 1928) и С. Льюис, чье пребывание было кратким и ограничивалось Москвой и ее окрестностями, однако оставило значительный «след» в виде травелога, эпистолярия и небезынтесных неизданных материалов, фиксирующих впечатления писателя и журналистки от страны Советов; 3. Д. Ривера, У. Гроппер – художники, создавшие как тексты, так и визуальные образы, передающие впечатления от советского путешествия.

Поршнева О.С.

Российская революционная повседневность 1917 г. глазами американской журналистки Ф. Харпер

Одним из источников изучения повседневности Русской Революции 1917 г. являются мемуарные свидетельства зарубежных очевидцев. Дневник Ф. Харпер и написанные на его основе мемуары представляют собой ценный документальный источник сведений о ходе Февральской революции, развитии событий весной-летом 1917 г., положении на фронте и в тылу. Ряд сюжетов ее повествования посвящены описаниям каждодневных, обыденных явлений, проблем, определявших повседневную жизнь.

Ф. Харпер приводит ценные свидетельства, характеризующие продовольственное положение в столице и общественные настроения накануне и в ходе Февральской Революции.

Другая важная тема ее мемуаров – насилие, которое стало обыденным явлением в условиях революции. Ф. Харпер описывает постепенное развитие погромной активности рабочих, «городского отребья», обывателей, насилия со стороны защитников властей, солдат и матросов на фронте и в тылу.

Ф. Харпер приводит подробные характеристики повседневной, материально-бытовой жизни в условиях Революции, продовольственной ситуации весной-осенью 1917 г., пропущенные через призму личных переживаний и собственного опыта решения проблем выживания в этот период. Она пишет о состоянии здоровья населения, типичных заболеваниях в этот период, их причинах.

В повествовании автора даются сведения, характеризующие социальную жизнь представителей образованных слоев столичного общества в условиях Революции.

Отдельный сюжет воспоминаний Ф. Харпер – фронтовая повседневность и повседневность прифронтового госпиталя, где она работала в качестве хирургической сестры. Харпер дает описания повседневных проблем функционирования госпиталя, способов их разрешения, роль в этом деле начальника госпиталя, американского хирурга Харда. Показывает формы взаимодействия Харда с местным населением, солдатским комитетом, персоналом и больными госпиталя. Ярко обрисовано постепенное нарастание радикализма солдат, падение дисциплины в армии и среди служащих РОКК.

Ф. Харпер в своем повествовании сообщает ценные детали, которые могут быть использованы для реконструкции повседневной жизни в условиях революции, дает свое истолкование проблем повседневного существования, процессов и событий Революции. В докладе интерпретируются особенности восприятия автором мемуаров повседневности российской Революции.

Разиньков М.Е.

Представления интервентов о России (1917 – 1920 гг.)

История интервенции – обширная часть исследований по гражданской войне в России. Мемуары иностранцев, пребывавших в России в 1917 – 1920 гг., документы, связанные с этим публиковались как в России, так и за рубежом уж с 1920-х гг. Вместе с тем, изучение источников личного происхождения привело меня к мысли о том, что иллюстративные изъятия фрагментов, простой текстологический анализ не объясняет всей сложности мировосприятия иностранца, попавшего в далекую для него во всех отношениях страну.

Тексты, принадлежащие разным людям, но содержащие единообразные сюжеты, касающиеся их мыслей, переживаний приводили к мысли о наличии определенных закономерностей. Предположение о том, что закономерности эти связаны с этнической психологией авторов подтвердились не вполне. Очевидно, что характеризуя россиян (не только русских, но и прочие этносы (карелы), субъэтносы (казаки)), иностранцы оперировали оценками и характеристиками их социальных, военных качеств, описывали политическую культуру. Иначе говоря, они заметно выходили за рамки собственно этнических характеристик. Поэтому, на первом этапе исследования, выявленные оценочные суждения интервентов о россиянах, были разделены на четыре группы: социальные, политические, военные, этнические. *Социальные* (С) – описывали россиян как совокупность социальных групп, слоев. *Политические* (П) – сообщали об особенностях политических режимов, существовавших в России, а также поведении россиян в политике, иначе говоря, о политической культуре, поскольку специфика режимов увязывалась с их «российскостью». *Военные* (В) – рассказывали о специфике ведения боевых действий россиянами, элементах их военной психологии. *Этнические* (Э) – останавливались на этнопсихологических и этнокультурных качествах жителей России. Каждая из групп оказалась разбита на подгруппы *положительных* и *отрицательных* суждений.

Однако проблема заключалась в том, что одни и те же фрагменты содержали информацию сразу по нескольким таким группам. Кроме того, одно и то же суждение могло нести положительную и отрицательную информацию в рамках одной и той же группы (например, Э(+) и Э(-) одновременно). Поэтому, вторым этапом исследования стало толкование подобных смешанных сюжетов с целью выявить какие-либо закономерности. Наконец, не стоило сбрасывать со счетов и анализ указанных текстов с точки зрения этнической психологии их авторов.

Одна из задач исследования было уяснить, насколько многообразен может быть методологический инструментарий анализа документальных свидетельств подобного рода. Открытие новых источников может, конечно, значительно уточнить, расширить наши представления о прошлом вообще и о Гражданской войне в частности. Однако, как представляется, информационный потенциал уже известных источников еще не исчерпан. Следует также отметить, что представляемые материалы публиковались мной в журнале «Диалог со временем»¹², и в данном случае участие мое в круглом столе мотивировано необходимостью распространения полученного знания, донесения его до научного круга интересующихся лиц.

Источниковую базу исследования составили, в основном, материалы мемуаров 13 участников интервенции. По национальному составу авторов ситуация выглядит следующим образом: 5 англичан, 1 ирландец и 1 канадец (объединены в одну группу, поскольку автор-ирландец – житель Северной Ирландии и полковник британской армии, а Канада состояла на тот момент в составе Британской империи), 4 французов, 4 американцев (США). Все авторы – военнослужащие (11) или дипломаты (4) стран Антанты. Пятеро из них на момент войны

¹² Разиньков М.Е. «Они могли бы держаться годами, если бы...»: опыт комплексного анализа представлений интервентов о России // Диалог со временем. 2015. Вып. 53 (1). С. 216-238.

находились в чине генерала (Э. Айронсайд, М. Жанен, У. Ричардсон, У. Грейвс, Х. Гоф), двое – в чине полковника (Ф. Вудс, Д. Уорд) один был майором (Ж. Пишон), двое – капитанами (Х. Уильямсон, Э. Элкингтон), один – лейтенантом (Д. Кьюдахи). Двое членов дипломатических миссий были послами (Д. Фрэнсис, Ж. Нуланс), один – секретарем посольства (Л. Робиен). Один политик (У. Черчилль) был членом правительства в ранге министра. Таким образом, по социальному составу авторов можно определить специфику источника как принадлежащему преимущественно военным (73 %), с большой долей лиц, находящихся на высоких руководящих постах (53 %) и отсутствием лиц, относящихся к рядовому составу. Одновременно комплекс привлекаемых источников оказался преимущественно британским и исходящим от военных.

Согласно полученным количественным данным негативные характеристики российской действительности заметно преобладают. Их анализ показывает, что интервентов не устраивала скорее социально-политическая ситуация в России, чем военные качества россиян и их этнические особенности. Отметим почти полное отсутствие положительных характеристик в адрес россиян со стороны французов, негативные оценки которых достигают своего максимума при описании политических режимов, с которыми им пришлось столкнуться в России. Напротив, американцы, хотя свидетельства их не столь обширны, высказались по поводу почти всех направлений анализа.

Дипломаты заметно больше рассуждали о политических вопросах, чем военные. Однако они видели в народах, населяющих Россию, и, прежде всего, в русских гораздо меньше положительных качеств, нежели военные; однозначно негативно оценивали социальное состояние российского общества. Вместе с тем, интерес военных к социально-политической проблематике также очевиден, что указывает не только на широкий кругозор офицеров, но и на то, что они часто занимались в России политическими проблемами.

Характеризуя черты национального характера россиян иностранцы высказывали большое количество суждений, в которых представления об «агрессивном, хитром, трусливом, замкнутым, тупо-вялом, жадном, самоуверенно-эгоистичном, недисциплинированном и несимпатичном» россиянина боролись с «дружелюбным, энергичным, открытым, неглупым, храбрым, организованным и внешне привлекательным», причем негативный образ преобладал.

Выявление оценочных характеристик позволяет составить более-менее подробные комментарии изученных текстов и комбинаций смысловых конструкций.

Интервенты увязывали военные неудачи с социально-культурной отсталостью российского общества. Об этом говорят повторяющиеся характеристики типа С(-)+В(-). Например, Х. Уильямсон характеризовал солдатскую массу Вооруженных сил Юга России следующим образом: *«Это были преимущественно неуклюжие деревенские парни с тенденцией на марше прикреплять полевые цветы к своим винтовкам и разевать рты при виде незнакомых кирпичных зданий. Было известно, что некоторые из них даже тряслись при виде поезда»*¹³.

Приведенную бинарную схему объясняет и дополняет весьма распространенная схема П(-)+С(-)+В(-). Например, начальник всех союзных миссий в Финляндии и Прибалтике генерал Х. Гоф, сообщая Н.Н. Юденичу о том, что русские за поставки платят «черной неблагодарностью» и даже хотят обратиться за помощью к немцам, срывался на ругань: *«многие русские командиры тупоумны или памятью коротки, что уже открыто хотят обратиться за помощью к немцам... Скажите этим дуракам, чтобы они прочли Мирный договор (Версальский мир. – М.Р.). Все, что Германия имеет, уже ею потеряно»*¹⁴. В приведенном письме русские оцениваются как предатели (В(-)), как люди не разбирающиеся в политической конъюнктуре (П(-)), а их командиры как социальная группа оцениваются крайне негативно (С(-)).

Глупыми, коррумпированными, беспринципными, некомпетентными, агрессивными душевнобольными названы конкретные представители военно-политической элиты Белой

¹³ Уильямсон Х. Прощание с Доном. Гражданская война в дневниках британского офицера. 1919 – 1920. М.: Центрполиграф, 2007. С. 34.

¹⁴ Архив русской революции. В 22 т. М.: Terra, Политиздат, 1991. Т. 1. С. 307.

России в мемуарах М. Жанена и У. Грейвса. Чрезвычайно распространена схема П(-)+С(-), согласно которой россияне, в силу глубокого раскола как между различными социальными слоями, так и между политической и социальной сферами общества обладали низкой политической культурой. В мемуарах Х. Уильямсона, Д. Уорда, У. Грейвса, У. Черчилля, записке Ж. Пишона замкнутость, инертность, глупость, агрессивность представляются характеристиками политического поведения целых социальных слоев и элитарных групп. Неумение и нежелание искать компромиссы, бороться за свои права мирным путем поражала иностранцев. Анализируя социальную базу большевизма, убежденный тред-юнионист, Д. Уорд отмечал: «*[Лидеры рабочих] отказывались бороться за законы, защищающие труд... Они верят..., что единственным способом для рабочего получить права является уничтожение всякого “закона”... Профессиональный русский лидер рабочих – анархист и ничего больше*»¹⁵. В свою очередь, рабочие в результате их агитации оказывались уверенными, что «на следующее же утро [они] достигнут полного земного рая»¹⁶. Интересно, что Уорд обвиняет в этом царизм, который держал рабочих в невежестве. Социальное поведение рабочих здесь рассматривается как деструктивное (С(-)), что увязывается с их низкой политической культурой (П(-)). Ж. Пишон упрекал русских в эгоизме, называл «шкурниками», отмечал их политическую безграмотность. В правящих слоях, интеллигенции, духовенстве его поражали пассивность, желание приспособиться к обстоятельствам, отсутствие политической организации, а у сибирской буржуазии – какой-либо конструктивной идеологии. Крестьяне же, не имея политических предпочтений, по его словам, враждебно относились и к «старой», и к «новой» власти¹⁷.

Распространенные суждения типа П(-)+Э(-) увязывали негативы развития России с этническими чертами народов, населявших ее и, прежде всего, русских. Полковник Ф. Вудс, оказавшись в эпицентре этнополитического конфликта белогвардейцев и карелов, желавших перейти под протекторат Великобритании, обратил внимание на то, насколько грубо и унизительно обращались представители белогвардейской администрации с карелами¹⁸. Французы и англичане в один голос обвиняли русских в неискренности, недочерчивости, политическом коварстве, называя это этнической чертой славянских народов вообще¹⁹.

Еще одной чертой мышления иностранцев было увязывание социокультурной отсталости с этническими характеристиками русских (схема С(-)+Э(-)). Русские крестьяне сравнивались с индийцами, отмечался их средневековый (в данном случае, как синоним «варварский») быт. Так, Л. Робин объявлял особую жадность и хитрость качеством именно русского крестьянина: «*Крестьяне придерживают продукты, отказываясь их продавать в ожидании повышенных цен. Я понимаю, что мы отвергаем большевистские методы, которые, расстреляв нескольких мужиков, в одно мгновение собирали в каждой деревне вереницы нагруженных телег. До этого нам далеко, и мы, забыв, что идет война, позволяем русскому крестьянину, наиболее хитрому и жадному до наживы из крестьян других стран, обманывать себя!*»²⁰.

Специфической чертой российского общества считалась его полиэтничность, воспринимаемая как «восточная» экзотика. Однако общество это виделось социально отсталым или деградировавшим во время войны С(-)+Э(+). Канадский капитан Э. Эллингтон отмечал: «*Было очень интересно гулять по городу и приходить в восторг от того, насколько космополитично население Владивостока. В пятнадцати минутной прогулке по городу я*

¹⁵ Уорд Д. Союзная интервенция в Сибири. 1918 – 1919 гг. М., Пг.: Государственное издательство, 1923. С. 113.

¹⁶ Там же. С. 57-58.

¹⁷ Союзническая интервенция на Дальнем Востоке и в Сибири. Доклад Пишона / под ред. Вл. Виленского-Сибирякова. М., Л.: Государственное изд-во, 1925. С. 21-36.

¹⁸ Барон Н. Король Карелии. Полковник Ф. Дж. Вудс и британская интервенция на севере России в 1918 – 1919 гг.: история и мемуары. СПб.: Из-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. С. 143.

¹⁹ Уорд Д. Союзная интервенция в Сибири. 1918 – 1919 гг. М., Пг.: Государственное издательство, 1923. С. 35; Зброшенныя в небытыя. Интервенция на Русском Севере (1918 – 1919) глазами ее участников / сост. В.И. Голдин. Архангельск: Правда Севера, 1997. С. 129, 203.

²⁰ Зброшенныя в небытыя. Интервенция на Русском Севере (1918 – 1919) глазами ее участников / сост. В.И. Голдин. Архангельск: Правда Севера, 1997. С. 207.

различил 18 разных национальностей. И все они выглядели не очень хорошими представителями своих наций...»²¹.

Низкая политическая культура элиты и широких слоев российского общества виделась, таким образом, тесно взаимосвязанной с общей социально-культурной отсталостью, этническими особенностями россиян и, как следствие, являлась в глазах интервентов важной причиной Гражданской войны и поражения Белого Дела.

Вместе с тем, российское общество не могло рассматриваться однозначно негативно. Поэтому предсказуемо существование компенсаторных механизмов, какими представляются схемы: С(-)+С(+)+В(-) и С(+)+В(+)+Э(+). Так, Х. Уильямсон писал о российской военной элите: «В основном это были добросердечные и щедрые до абсурда люди, но, кроме страшных клятв отомстить большевикам, пользы от них было немного. Они были ленивы, невежественны и часто трусливы, главным образом потому, что знали, что у их солдат не хватает смелости воевать против своих соотечественников, и потому, что уже видели, как свои солдаты дезертируют и поднимают мятежи»²². Иначе говоря, при общем социальном и военном негативе выделялись и социально-симпатичные черты (добросердечие, щедрость).

Схема С(+)+В(+)+Э(+) имеет прямую связь с механизмами этнической психологии. Едва только российские военные начинали напоминать мемуаристу его родной народ, как отношение к ним резко менялось с негативного на позитивный. Ф. Вудс сравнивал карелов с ирландцами: «Через месяц наши силы насчитывали уже 500 человек..., причем каждый был замечательным снайпером... Все они ранее служили в российской императорской армии и после небольшой муштры держались в строю так же подтянуто, как любая иностранная армия в обычных обстоятельствах. Их дисциплина не вызвала нареканий: не было ни одного случая нарушения субординации или пьянства, ни одной жалобы от местных жителей... Ни тогда, ни когда-либо позднее не позволял я себе усомниться в искренности и преданности своих карел... они очень напоминали мне ирландских солдат, которые не теряют присутствия духа даже в самых сложных ситуациях»²³.

Даже негативные черты российской политической культуры могли восприниматься в положительном ключе, если напоминали иностранцу родину: «Я определенно чувствую, что русские и мы вполне справимся вместе с затруднениями, настолько мы похожи друг на друга. Омск и Уайтхол действительно типичны; каждый из них прежде всего исчерпает все возможные ошибки и, когда больше их уже не останется, вступает на правильный путь»²⁴. (схема Э(+)+П(-))

Для военных поводом для похвалы могла стать эффективность самых жестоких действий (схема В(-)+В(+)+Э(-)). Ф. Вудс упоминал, что русские применяли пытки на допросах, причем жестокость рассматривалась им и как компонент именно русской военной культуры (он подчеркивал, что англичане так не делают). Однако, осуждая подобные методы, Вудс признавал их действенность: «Русские методы допроса (избиение кнутом. – М.Р.)... были, мягко говоря, грубыми, но давали немедленные результаты». Любопытно, что для английского полковника человек, способный превращать свои жертвы в «сплошную кровоточащую массу» «оказался ... незаменимым союзником. Вскоре он стал хорошим другом всех британцев»²⁵.

Азарт «путешественника», желание видеть в россиянах не только сообщество дикарей, да и социо- и этнокультурные реалии, вели к выявлению положительных черт народов, населявших Россию. Распространенной является схема С(+)-Э(+), позволяющая иностранцу посмотреть на

²¹ Diary of Eric Elkington, n.d. (c. January 1919), p. 2, E.H.W. Elkington Family Collection (private collection), Ladysmith, BC. // Canada's Siberian Expedition. [University of Victoria, 2012]. URL: http://www.siberianexpedition.ca/story/asian_communities.php (дата обращения - 18.04.2015)

²² Уильямсон Х. Прощание с Доном. Гражданская война в дневниках британского офицера. 1919 – 1920. М.: Центрполиграф, 2007. С. 34.

²³ Барон Н. Король Карелии. Полковник Ф. Дж. Вудс и британская интервенция на севере России в 1918 – 1919 гг.: история и мемуары. СПб.: Из-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. С. 34-35.

²⁴ Уорд Д. Союзная интервенция в Сибири. 1918 – 1919 гг. М., Пг.: Государственное издательство, 1923. С. 140.

²⁵ Барон Н. Король Карелии. Полковник Ф. Дж. Вудс и британская интервенция на севере России в 1918 – 1919 гг.: история и мемуары. СПб.: Из-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. С. 66.

россиян как на трудолюбивых, сильных, выносливых людей, умеющих постоять за себя (Э. Айронсайд, Ф. Вудс).

Схема П(+)+Э(+) приводила к признанию значимости российской культуры и России как державы. Так, У. Черчилль признавал русских «могущественной нацией, славной ветвью семьи европейских народов»²⁶, а Д. Уорд говорил о диктатуре А. В. Колчака как о единственной надежде «на спасение остатков русской цивилизации и культуры»²⁷.

Существует немало положительных отзывов интервентов о представителях военной и военно-политической элиты белых, а американцы признавали определенную идейную справедливость и военную эффективность коммунистической агитации в войсках Антанты (схема П(+)+В(+))²⁸.

Невозможность дать однозначную характеристику русским и россиянам вообще, приводила к формам высказываний, в которых положительные характеристики одного типа сочетаются с отрицательными такого же типа. Примером является относительно часто встречающаяся схема Э(+)+Э(-). Так, Ф. Вудс, сравнивая русскую и британскую мораль, отмечал: «*наши нормы более высокие, однако мы их не соблюдаем, у русских же мораль на более низком уровне, однако они из всех сил стараются следовать ей*»²⁹. М. Жанен указывал в своем дневнике: «Русские гостеприимны, но в то же время горды и не любят иностранцев»³⁰.

Исследование оказалось бы неполным без анализа некоторых психологических механизмов, повлиявших на содержание мемуаров. Прежде всего, это комплексы стереотипов, связанных с военной психологией и складывающихся в ходе войны образов «своего» и «врага». Для большинства британцев (включая канадцев) и французов большевики вполне укладывались в классический образ врага – носителя сугубо негативных качеств. Так, Э. Айронсайд составил себе мнение о большевистских руководителях, как об уверенных в своей исключительной правоте и жестоких деятелях, критически отзывался о способах организации большевистской агитации³¹. Д. Уорд писал о Красной Армии как о войсках «террористов»³², люмпенов, невежественных людей. У. Черчилль назвал большевистский режим «безыменным чудовищем», «пауком»; «Верховный большевистский комитет» - «нечеловеческой или сверхчеловеческой организацией», «сообществом крокодилов, обладавших образцовыми интеллектами», а самих большевиков - «жрецами негодяев и фанатиков»³³. Французские дипломаты оставили целую серию отзывов о большевистском режиме как «ужасном», голодном, полном эпидемий³⁴.

Одновременно американцы оказались склонными к преодолению однозначной трактовки «образа врага». Приводимые ими факты показывали, что образ красных излишне демонизировался. Американцы в Сибири, в т.ч. генерал У. Грейвс, заключали с красными партизанами соглашения о разделе территории и ненападении. Партизанские теракты на железных дорогах воспринимались американцами как недоразумение и служили причиной переписки с красными³⁵. Причина подобных действий заключалась в том, что у американцев, равно как и у прочих интервентов, не сложился положительный образ «своего» в лице белых

²⁶ Черчилль В. Мировой кризис. М., Л.: Госвоениздат, 1932 // Военная литература. [2001]. URL: <http://militera.lib.ru/memo/english/churchill2/index.html> (дата обращения - 18.04.2015)

²⁷ Уорд Д. Союзная интервенция в Сибири. 1918 – 1919 гг. М., Пг.: Государственное издательство, 1923. С. 88.

²⁸ Заброшенные в небытие. Интервенция на Русском Севере (1918 – 1919) глазами ее участников / сост. В.И. Голдин. Архангельск: Правда Севера, 1997. С. 426.

²⁹ Барон Н. Король Карелии. Полковник Ф. Дж. Вудс и британская интервенция на севере России в 1918 – 1919 гг.: история и мемуары. СПб.: Из-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. С. 24

³⁰ Жанен М. Отрывки из моего сибирского дневника // Скепсис: научно-просветительский журнал. URL: http://scepsis.ru/library/id_1981.html (дата обращения - 18.04.2015)

³¹ Заброшенные в небытие. Интервенция на Русском Севере (1918 – 1919) глазами ее участников / сост. В.И. Голдин. Архангельск: Правда Севера, 1997. С. 243, 258-259.

³² Уорд Д. Союзная интервенция в Сибири. 1918 – 1919 гг. М., Пг.: Государственное издательство, 1923. С. 134.

³³ Там же.

³⁴ Заброшенные в небытие. Интервенция на Русском Севере (1918 – 1919) глазами ее участников / сост. В.И. Голдин. Архангельск: Правда Севера, 1997. С. 121-122, 183-184, 202.

³⁵ Уорд Д. Союзная интервенция в Сибири. 1918 – 1919 гг. М., Пг.: Государственное издательство, 1923. С. 155-159.

режимов. У. Грейвс отмечал непримиримость колчаковского режима к любой оппозиции, осуждал сотрудничество А.В. Колчака с «преступными» и «безжалостными» П.П. Ивановым-Риновым, Г.М. Семеновым, И.П. Калмыковым, приводил многочисленные случаи белого террора, постоянного насилия над мирными жителями³⁶.

Французский генерал М. Жанен отмечал, что большинство французских офицеров в Сибири испытывали отвращение к жестокому режиму А.В. Колчака. В его дневниках председатель колчаковского правительства П.В. Вологодский предстает человеком «с трясущимся и заросшим бородой лицом», хотя и «довольно любезным», министр финансов И.А. Михайлов – «каналей», связанной с политическими убийствами, управляющие делами Совета министров Г.Г. Тельберг и Г.К. Гинс – лицами, связанными с денежными хищениями. Самого А.В. Колчака он характеризовал как болезненно неуравновешенного человека, не разбирающегося в сухопутном военном деле и слабого политика, одержимого манией величия, пришедшего к моменту поражения к нервному заболеванию и неадекватности. «Вождь банды убийц» назвал он и Г.М. Семенова.

Надо сказать, что и британцы оценивали белогвардейские режимы отнюдь не комплиментарно. Крайними точками здесь являются, пожалуй, воспоминания Ф. Вудса и У. Черчилля. Для Ф. Вудса белый режим на Севере представлял сборище опасных даже для интервентов заговорщиков (он утверждал, что белыми офицерами на него неоднократно готовились покушения). У. Черчилль, напротив, не скупился на положительные характеристики. Участники антибольшевистских восстаний на Дону, Добровольческой армии выступали у него не иначе как «русскими патриотами», которым «были драгоценны честь русского оружия и наследие Петра Великого», а первые сражения Добрармии с большевиками он сравнивал с битвами Д. Гарибальди. М.В. Алексеев назван им «крупным стратегом, не уступавшим Фошу и Людендорфу», а А.И. Деникин генералом, который обладал «всеми достоинствами и недостатками упорного, рассудительного, спокойного и честного вояки». Очень положительно отзывался Черчилль и о фигуре А.В. Колчака³⁷.

При этом стоит обратить внимание на тот немаловажный факт, что Ф. Вудс был в центре событий Гражданской войны на Севере, в то время как У. Черчилль рассуждал, пользуясь информацией с чужих слов. Его мемуары оказываются крайне стереотипизированными, доверять им полностью – означает пускаться в рискованное ментальное путешествие по вымышленной России. С другой стороны, У. Черчилль оказался одним из немногих, кто попытался преодолеть другой стереотип – а именно о том, что Гражданская война в России – это война русских с русскими. Именно Черчилль рассматривал ее как сложное многонациональное явление, привлекал к анализу событий материал об Украине, Польше, Литве, Латвии, Эстонии и других государствах, образовавшихся на территории бывшей империи.

Другой комплекс стереотипов, выявляемый при анализе, связан с механизмами этнической психологии. Он включал ощущение превосходства «цивилизованного» европейца над «северным» (и даже «восточным») народом, иначе говоря, этноцентризм. Например, бригадный генерал У. Ричардсон заявлял, что Архангельск – это «очень восточный» город, расположенный «где-то к востоку от Суэца»³⁸, демонстрируя, вероятно, не знание географии, а подчеркивая «варварство» русских. Англичане, в свою очередь, не видели особых различий между русским и индийскими крестьянами. Сравнение жизни в России с жизнью в колониях характерно для Ф. Вудса, Э. Айронсайда, У. Черчилля. Негативные характеристики русского этноса, такие как флегматичность, инертность, лень, глупость, вероломство, неблагодарность, излишний фатализм и фанатизм отсылали к образу «скрытного», «стадного» и в то же время

³⁶ Грэйвс В. Американская авантюра в Сибири (1918 – 1920). М.: Государственное военное из-во, 1932. С. 76-77, 80-81, 108, 113-115, 118-119, 147, 203.

³⁷ Черчилль В. Мировой кризис. М., Л.: Госвоениздат, 1932 // Военная литература. [2001]. URL: <http://militera.lib.ru/memo/english/churchill2/index.html> (дата обращения - 18.04.2015)

³⁸ Заброшенные в небытие. Интервенция на Русском Севере (1918 – 1919) глазами ее участников / сост. В.И. Голдин. Архангельск: Правда Севера, 1997. С. 398.

опасного азиата. Образ «диких» русских прослеживается и в воспоминаниях французских дипломатов: *«Мы проезжали мимо Соловецких островов, известных своим монастырем, куда столько русских, во власти религиозного фанатизма, присущего только их нации, приезжали, чтобы укрепить свою веру вдали от мирской суеты»* (Ж. Нуланс, лето 1918 г.)³⁹.

Этнические стереотипы также содержали устоявшуюся норму о «широкой русской душе», добродушии и «простодушии» русских. Представление о «простодушных русских» сыграло определенную роль в формировании мотивации пребывания в России, поскольку многие авторы мемуаров были уверены, что русский народ ожидает их помощи. Расхождения позитивных стереотипов с реальностью подчас оказывались трагическими. Э. Айронсайд честно признавался, что мятеж в русском Дайеровском батальоне (лето 1919 г.), который он ранее очень хвалил, стал для него «большим потрясением, чем я допускал даже в глубине души»⁴⁰.

Разрушение положительных стереотипов вело к деконструкции всей мотивации пребывания в России, сведении ее к простому выполнению приказа, тем более что при «ближайшем» рассмотрении «русский народ», включая белых, показался практически всем интервентам малосимпатичным, а Россия – богатой, но девственно-суровой страной.

Нападки мемуаристов на российские политические режимы следует связать с несоответствием увиденного сложившимся политическим стереотипам. В мемуарах интервентов мы видим правдоподобные характеристики белого режима как типичной авторитарной диктатуры, с ее отсутствием правовой защищенности личности, преследованием политической оппозиции.

Таким образом, реакции, порожденные пребыванием в России, были многообразны. Некоторые, как Ф. Вудс, в некоторой степени идентифицировали себя с российской борьбой, другие, как Д. Кьюдахи, У. Грейвс, посчитали вмешательство в русские дела ненужным, третьи, как У. Черчилль, Х. Уильямсон и американский посол Д. Фрэнсис, полагали, что в России шла борьба за общечеловеческие ценности, наконец, четвертые, как М. Жанен, унесли из России лишь чувство отвращения.

---

³⁹ Там же. С. 93.

⁴⁰ Там же. С. 350, 422.

Ранджана Девамитра Сенасингхе
Российский университет дружбы народов

Иван Бунин об особенностях повседневной жизни населения Цейлона (по материалам путешествия русского писателя на остров в 1911 г.)

В истории русских путешествий Цейлон занимал особое место. В разные годы его посетили известные русские художники, исследователи, писатели, в числе которых были князь А.Д. Салтыков, проф. И.П. Минаев, А. и Л. Мерварты, В. Ватагин, А. Краснов, княгиня О.А. Щербатова, А.В. Елисейев, К. Бальмонт, Б. Житков, А. Чехов и многие другие. В 1891 г. здесь вместе со своей свитой оказался наследник российского престола Николай II.

В числе путешественников в Юго-Восточную Азию к 19-нач. 20 в. оказался и русский писатель Иван Бунин, который в начале 1911 г. совершил путешествие по странам Азии. Данная идея возникла во многом под влиянием устных рассказов А.И. Чехова, в доме которого в Ялте он проводил долгие вечера. Известно, что последний вернулся в 1891 г. в Россию после продолжительного путешествия с посещением и проведением известного опроса на острове Сахалин через Гонконг, Сингапур, Цейлон и Порт Сайд. А уже через семь лет после смерти Чехова, Бунин предпринимает такое же путешествие, только из Одессы с намерением посетить Порт Сайд, Египет, Луксор, Асуан, Нубию, Цейлон, Индию, Сингапур, Нагасаки.

На Цейлоне Бунин оказался после посещения Египта. И здесь, по его собственному признанию, он хотел провести целый месяц, однако этим планам (в силу ряда причин не удалось сбыться). Ровно через две недели пребывания на Цейлоне писатель со своей невестой Верой Николаевной Муромцевой вынужден был вернуться обратно на родину прежде всего из-за финансовых трудностей. Об этом свидетельствует письмо автору «Бунин. жизнеописание» (Москва. «Молодая гвардия», 2004.) Бабореко, Александру Кузьмичу Веры Николаевны, датированное 15 мая 1957 г. Среди других причин столь недолгого пребывания в стране не раз называлась невыносимая жара. Но в письме Веры Николаевны называется и еще одна причина, заставившая писателя спешно покинуть страну. Речь идет о трудном восприятии Буниным такой повседневной привычки жителей Цейлона, как жевание бетеля. Он наблюдал это ежедневно, когда встречался со своим рикшей, из рта которого из-за бетеля регулярно появлялась окровавленная пена, на которую писатель не мог равнодушно смотреть. Среди русских путешественников практически не было никого, кто бы обратил внимание на эту широко распространенную повседневную привычку местных жителей. Можно назвать ее мало замеченной русскими путешественниками на Цейлоне, но сильно возмущившей Бунина. Эта традиция оказала заметное психологическое воздействие на писателя, что привело к творческому порыву. Уже в 1914 г. образ рикши на Цейлоне, который постоянно жевал бетель, лег в основу известного шедевра мировой литературы И. Бунина – рассказа «Братья», где данная повседневная привычка описана, как и у других иностранцев, исключительно как в качестве одурманивающего, наркотического вещества. Об этом не раз упоминается при описании своего рикши в рассказе «Братья» и его отца, который тоже был рикшей: бодрящее средство к бегу, сам процесс жевания на вид неприятное зрелище, бетель как средство от психического расстройства, когда человек может проводить время без еды, но только с помощью бетеля, рикша его был настолько привык к бетелю, что иногда останавливался покупать бетель, вызывая гнев седока, писатель наблюдает за тем, как без бетеля рикша становился раздраженным и как он становился улыбчивым после бетеля, привычка их смешать огонь виски с бетелем, о некоторых привычках – показывать вид, что не понимает, показывают окровавленные от бетеля губы, вытирать окровавленные бетелем губы. При этом путешественники не обращали внимания на то, что подобная привычка в течение долгих веков превратилась в своеобразную традицию и элемент повседневности.

На самом деле, несмотря на то, что современная европейская наука классифицирует бетелевую жвачку как легкое наркотическое средство, она имеет колоссальное культурное

значение для многих народов Южной и Юго-восточной Азии. Этот аспект бетеля оставался и остается для представителей иных культур, особенно европейской культуры, практически полностью закрытым и неопознанным. А между тем, на Цейлоне, по представлению тамошнего народонаселения, бетель уступает лишь рису, что является основной едой, которой питаются чуть ли не три раза в день. При этом бетель употребляется гораздо чаще и рассматривается как символ гостеприимства, уважения, как предмет всех праздников, и даже лекарство. В Шри Ланке бетель и орехи арековой пальмы, которые входят в состав жвачки, являются товарами экспорта. Даже уже в наши дни в Шри Ланке существует Исследовательский центр бетеля и других дополнительных сельско-хозяйственных культур под кокос. В регионе Южной и Юго-Восточной Азии число людей, употребляющих такие жвачки, составляет от 200 до 600 млн. в день. Это свидетельствует о распространении привычки жевания бетеля среди населения. Роберт Нокс – пленный на Цейлоне шотландец, который провел там почти 20 лет в XVII в. также описывал эту привычку, также глубоко не понимая ее значения для коренного населения континента.

На Цейлоне формировалась целая культура, связанная с бетелем – богатая терминология, целая коллекция утвари, целый букет ритуалов и традиций, которые были непостижимы для иностранцев, в том числе и для великого русского писателя.

Сенявская Е.С.

«Жили здесь культурно и богато, но поражает стандарт везде и всюду...»: Германия 1945 года в восприятии советских военнослужащих».

На завершающем этапе Великой Отечественной войны, освободив оккупированную немцами и их сателлитами советскую территорию и преследуя отступающего противника, Красная армия перешла государственную границу СССР. Свыше года около семи миллионов советских воинов сражались за пределами Родины. Сам факт перехода государственной границы и процесс освобождения зарубежных стран весьма существенно повлиял на психологию, поведение и фронтовую повседневность личного состава действующей армии. И воздействие это было весьма разносторонним. Наш солдат вступал на чужие земли, где люди говорили на других языках, где были иные обычаи, традиции, культура, нормы поведения, быт и т.д. Почти никто из советских людей не бывал ранее за границей, и прямое соприкосновение с иной социокультурной средой для многих стало «культурным шоком», к которому примешивались разного рода «политические тонкости». Недаром так тревожили политотделы «новые настроения», когда в письмах домой солдаты описывали жизнь и быт населения других стран, в особенности Германии, «в розовых красках», сравнивая увиденное с тем, как жили сами до войны, и делая из этого «политически неверные выводы»...

Станков К.Н. –
к.и.н., ст. преп. ПСТГУ

Петр I и британская повседневность (по материалам дневника Н. Латрелла)

В отечественной историографии подробно изучено как «Великое посольство» 1698-1699 гг. в целом, так и отдельные его аспекты, в частности, визит будущего императора Петра Великого – тогда еще никому неизвестного молодого русского царя – в Англию. Однако отдельные сюжеты этой миссии еще мало затронуты и требуют более полного освещения. В частности, необходимо уделить особое внимание иностранным свидетельствам о посещении русским самодержцем «Туманного Альбиона». В этом случае огромную ценность приобретают документы личного происхождения. В настоящем докладе речь пойдет об отражении пребывания Петра I в Англии в дневниковых записях лондонца Нарцисса Латтрелла.

Но вначале несколько слов об этом источнике. Он охватывает события с 1678 по 1714 г. В России дневник Н.Латтрелла малоизвестен и практически не используется в исследованиях по истории второй половины XVII – начала XVIII в. Между тем, данный источник насколько полон, предельно объективен и содержит информацию по самым разным сторонам жизни Западной Европы (и не только) в указанный период, что пройти мимо него при исследовании проблем, связанных с историей Британских островов в Раннее Новое время не представляется возможным. Зарубежные ученые настолько восхищены подробным и скрупулезным отражением в дневнике Н. Латтрелла жизни европейского общества, что часто называют его «хроникой».

О самом ее авторе известно крайне мало. Практически все, что мы знаем – это то, что он был рядовым жителем Лондона и по своим взглядам принадлежал к вигской партии, что, однако, не мешало ему с определенной долей симпатии относиться к королю Якову II и его политике. Последнее, впрочем, не является исключением для британских вигов⁴¹. Примечательно, что после детронизации злосчастного монарха, Н. Латтрелл подчеркнуто называет его «королем Яковом».

Исходя из анализа, большинства фиксируемых в дневнике фактов, можно предположить, что Нарцисс Латтрелл являлся мелким служащим и был тесно связан с королевским судом. По крайней мере, в его записях в мельчайших подробностях отражаются все тяжбы и судебные дела, которые велись в Лондоне от высших сановников до рядовых жителей Лондона и его окружи, причем с такой детальностью, которая могла быть известна лишь человеку, постоянно работавшему в этой системе.

Н. Латтрелл обладал чрезвычайно обширной сетью информаторов на самом различном уровне и в самых удаленных от его профессиональной деятельности сферах. Очень многое почерпнуто из различных газет того времени, в том числе тех, что не дошли до нашего времени. В его «Хронике» подробно отражаются деятельность английского правительства и парламента, общественные движения и политическая борьба в Англии, Шотландии и Ирландии, внешняя политика Лондона, ключевые события истории государств Западной, Южной и Центральной Европы, войны в Европе и даже на Ближнем и Среднем Востоке и на Индостане, торговые операции британцев в Африке и Новом Свете. Автор подробно следил за Войной Аугсбургской лиги и Войной за испанское наследство, австро-турецкими войнами, столкновениями между Данией, Швецией и имперскими чинами в Прибалтике и в самой Северной Европе. В его записях отражены Великая Северная война и многие другие международные конфликты. В «Хронике» можно почерпнуть отдельные детали жизни высшего общества всех наиболее крупных европейских дворов.

Все же, в первую очередь, дневники Н. Латтрелла – это бесценный клад сведений о повседневной жизни среднего англичанина в бурную эпоху становления Британской

---

⁴¹ Станков К.Н. Король Яков II Стюарт и становление движения якобитов, 1685-1701. СПб., 2016. С. 67-69

колониальной империи. Естественно, первостепенное внимание английского диариста привлекало все, что было связано с внешней политикой его родины. Он подробно описывает визиты в Лондон всех европейских послов. Естественно, что мимо его пера не могло пройти такое значимое событие, как прибытие на «Туманный Альбион», хотя и инкогнито, властителя далекой Московии и его многочисленной свиты (членов которой он, впрочем, не упоминает, но всячески подчеркивает, что русский царь прибыл не один и требует много денег на свое содержание)⁴².

Записи в дневнике очень часты - не реже одного раза в неделю. При фиксации событий за несколько дней, диарист, как правило, указывает, что произошло в день описания, а что в предшествующие дни и в какие именно. Таким образом представляется возможность точно определить даты почти всех важных событий, связанных с визитом русского царя на «Туманный Альбион».

Примечательно, что автор дневника ни разу не называет имени российского самодержца, ограничиваясь простым упоминанием его титула: в двух случаях – «царь Московии» (the czar of Moscow), далее – просто «царь» (czar)⁴³.

Первые сведения о посещении Петром I Британских островов относятся к 28 декабря 1697 г. Автор дневниковых записок отмечает, что «царь Московии ожидается сюда с первым попутным ветром». Н. Латтрелл сообщает, что Петр пробудет в Англии «большую часть зимы и вернется обратно домой, посетив датский двор»⁴⁴.

Свидетельства Н. Латтрелла позволяют говорить о том, что «царь Московии» был принят в Лондоне с высочайшим почетом. В качестве места пребывания в английской столице ему были выделены покои во дворце Уайт-холл, в той его части «что ближе к реке [Темзе – К.С.]» на улице «Норфолк-стрит»⁴⁵.

Король Великобритании Вильгельм III Оранский (1689-1702), никогда не чувствовавший себя прочно на британском престоле (в том числе благодаря деятельности якобитов)⁴⁶ использовал любую возможность для укрепления своего положения любыми международными контактами. Кроме того, возможно, английский король пытался окончательно вывести Петра I из-под влияния якобитской партии в России, которую возглавлял наставник молодого монарха генерал и адмирал шотландец Патрик Гордон. Он был очень влиятельной особой при русском дворе и смог на два года задержать признание Москвой Вильгельма Оранского британским монархом⁴⁷.

Лондонский «хронист» особо подчеркивает, что в период своего визита в Англию, русский царь регулярно встречался с Вильгельмом III и иногда даже передает содержание их бесед. Так, на аудиенции 11 января 1698 г. Петр «к неудовольствию» английского короля заявил, что они оба – «единственные правители, кому престол достался лишь по воле случая»⁴⁸.

Как хорошо известно, в Англии юного Петра больше всего интересовала организация военно-морского дела. В качестве сопровождающего лица к нему был приставлен талантливый адмирал Митчеллс, довольно хорошо известный среди британских флотоводцев того времени. С ним русский царь посетил многие английские порты. Прежде всего, самодержца «всего Великия, и Малыя, и Белья России», заинтересовал небольшой городок в довольно дальней округе Лондона (в наше время это район британской столицы) – Гринвич, где располагался порт, неразрывно связанный с военной историей Англии. Петр посетил его в ходе своего первого

---

⁴² Luttrell N. Op. cit. Vol. 4. P. 333-334.

⁴³

⁴⁴ Luttrell N. Op. cit. P. 324.

⁴⁵ Luttrell N. Op. cit. P. 324.

⁴⁶ Лишь за год до этого был раскрыт крупный якобитский заговор с целью убийства Оранца и возведения на британский престол изгнанного в ходе «Славной революции» 1688-1689 гг. короля Якова II. Подробнее см.: Garrett J. The Triumphs of Providence: the Assassination Plot, 1696. Cambridge, 1980.

⁴⁷ Станков К.Н. Патрик Гордон и партия якобитов в России в конце XVII в. // Вопросы истории. 2011. № 10. С. 108–121.

⁴⁸ Luttrell N. Op. cit. Vol. 4. P. 334.

выезда за пределы столицы 5 января 1698 г. Как раз в это время там строился Королевский морской госпиталь. Н. Латтрелл об этом не упоминает, однако сложно предположить, что Петр I его не обозревал.

Русский царь столь высоко оценил опыт и знание военно-морского дела адмиралом Митчеллсом и сопровождавших его морских офицеров, что пригласил их принять участие в планируемой русским самодержцем после своего возвращения из «Великого посольства» кампании против турок на Черном море⁴⁹.

Следующее известие в дневнике Н. Латтрелла об интересующих нас событиях относится к 14 января 1698 г., когда Петр был с особым почетом принят Вильгельмом III во дворце Кенсингтон – своей любимой английской резиденции. Последнего на ужине сопровождала свита влиятельных придворных⁵⁰. На следующий день уже Оранец посетил русского царя в его резиденции в Уайт-холле, где британского монарха сопровождал граф Рамней⁵¹.

Из записей Н. Латтрелла известно, что Петр прибыл в Лондон не со всей своей свитой единовременно. Великие царские послы (как известно из других источников - Ф.Я. Лефорт, Ф.А. Головин, П.Б. Возницын), которые продолжали переговоры в Нидерландах⁵², согласно дневниковым записям Н. Латтрелла за 11 января 1689 г., должны прибыть лишь «на следующей неделе»⁵³. В целом же свита Петра была настолько велика, что для снабжения ее «провизией и всем необходимым» был назначен один из комиссионеров морского ведомства – «м-р Энтони Роу»⁵⁴.

30 января 1698 г., согласно заметкам Нарцисса Латтрелла, Петр I инкогнито посетил воскресное моление квакеров в Лондоне. Можно предположить что именно здесь правитель Московии, впервые встретился с лидером «друзей» (или как их презрительно называли представители государственной церкви – «трясунов») – Уильямом Пенном, основателем колонии Пенсильвания и якобитом.

На следующий день Петр отобедал с английским коммерсантом «м-ром Стайлсем», который был знаком царю еще в Москве. Этот купец ни один когда вел торговые дела с российским государством и несколько лет прожил в русской столице⁵⁵.

Здесь же Н. Латтрелл подробно сообщает, что Петр «штудировал математику, в особенности навигацию, при содействии лучших специалистов в этом деле, и значительно в нем преуспел»⁵⁶.

3 февраля российский самодержец переехал в Демфорд, где тщательно изучал корабельное дело под руководством местных мастеров. Здесь его инкогнито посетил Вильгельм III⁵⁷.

6 февраля Петр I в сопровождении известного оранжиста, активного участника «Славной революции», и ярого противника Якова II Томаса Осборна, первого маркиза Кэрмэртон (в отечественной историографии он более известен по своему предшествующему титулу графа Дэнби)⁵⁸, снова осмотрел верфи в Демфорде. Кроме того, Н. Латтрелл сообщает, что 6 февраля царь инкогнито посетил представление в лондонском драматическом театре⁵⁹. 12 февраля российский самодержец вновь посетил его, где слушал английскую оперу. Кроме того, как

---

⁴⁹ Luttrell N. Op. cit. Vol. 4. P. 339.

⁵⁰ Luttrell N. Op. cit. Vol. 4. P. 331.

⁵¹ Luttrell N. Op. cit. Vol. 4. P. 331.

⁵² Российский государственный архив древних актов. Ф. 35. Оп. 4. № 9. Л. 4 – 5 об.

⁵³ Luttrell N. Op. cit. Vol. 4. P. 330.

⁵⁴ Luttrell N. Op. cit. Vol. 4. P. 333-334.

⁵⁵ Luttrell N. Op. cit. Vol. 4. P. 339.

⁵⁶ Luttrell N. Op. cit. Vol. 4. P. 339.

⁵⁷ Luttrell N. Op. cit. Vol. 4. P. 340.

⁵⁸ Томас Осборн являлся одним из т.н. «семи бессмертных», подписавших в 1688 г. обращение к Вильгельму Оранскому (тогда – статхаудеру Нидерландов), с просьбой вторгнуться в Англию и свергнуть Якова II. После восшествия на престол Оранца занимал высшие государственные посты Лорда президента Тайного совета Англии и главы королевского Казначейства. Подробнее см.: Browning A. Thomas Osborne, Earl of Danby and Duke of Leeds, 1632-1712. Glasgow, 1944-1951. Vol. 1-3.

⁵⁹ Luttrell N. Op. cit. Vol. 4. P. 342.

сообщает Н. Латтрелл, Петр собирался «посетить музыкальное представление в Йорк Билдингс»⁶⁰.

23 февраля «московский владетель» побывал на маскараде в одном из роскошных особняков фешенебельного района Лондона Темпл, два дня спустя ему устроили экскурсию в Вестминстерском дворце, а именно в тех его частях, где обычно заседал английский парламент, правда, в отсутствие депутатов и пэров. Здесь же Н. Латтрелл сообщает любопытную деталь: «чуть ранее он [царь – К.С.] получил денежный перевод из Москвы в размере 60 тыс. рублей»⁶¹.

Проведя несколько дней в развлечениях в Лондоне, в марте Петр вновь вернулся к изучению главного дела, для которого он прибыл в Англию. 19 марта он в сопровождении адмирала Митчеллса и маркиза Кэрмэртон отправился «на день или два ... в Портсмут» - крупный английский портовый город на побережье Ла-Манша, где собирался осмотреть «несколько военных кораблей», которые специально туда были направлены согласно указаниям из Лондона⁶². Второй целью русского царя, как отмечает Н. Латтрелл, был «осмотр укреплений» этой крупной морской базы⁶³.

26 марта Вильгельм III устроил в честь Петра «показательную морскую баталию недалеко от Портсмута»⁶⁴. Всего в представлении участвовало «30 военных кораблей, разделенных на две эскадры»⁶⁵. Впрочем, этот эпизод хорошо известен из других источников.

В дневниковой записи за 31 марта лондонский обыватель упоминает о визите Петра в Оксфорд, который позднее царь посетил еще несколько раз⁶⁶. Этот сюжет также хорошо известен по другим источникам.

2 апреля русский самодержец стал свидетелем заседания палаты лордов. Посещение Петром английского парламента является общеизвестным фактом, однако уникальность «Хроники» Н. Латтрелла заключается в том, что диарист подробно сообщает, какие именно билли были приняты на этом слушании. В частности, «хронист» пишет, что пэры приняли закон «о помощи бедным», а также «10 частных» постановлений, самый значительный из которых – о разводе графа Макклесфилда «со своей супругой». Уникальными свидетельствами Н. Латтрелла также является упоминание о присутствии на заседании самого английского короля и «французского и шведского послов»⁶⁷ - представителей двух держав, отношения с которыми были наиболее важны для Британии того времени.

18 апреля Петр отобедал с фактическим главой англиканской церкви архиепископом Кентерберийским Томасом Тенисоном в его резиденции в Ламбертском дворце⁶⁸. К сожалению, по всей видимости Н. Латтреллу остался неизвестным предмет беседы русского царя с англиканским прелатом. В этом случае примечательно, что Петр посетил сектантов (квакеров) и их лидера – Уильяма Пенна ранее, чем столь значимого представителя главного вероисповедания в Англии. Однако причины такого выбора русского царя остаются нам неизвестными.

В завершении «турне» по стране английская сторона предоставила московскому правителю обозреть знаменитый Тауэр. О том, какое впечатление на Петра произвел этот известный замок (и тюрьма) Н. Латтрелл, к сожалению также умалчивает, ограничиваясь скупым упоминанием о торжественном обеде, данном русскому царю «на борту королевского судна». На трапезе, как сообщает лондонский «хронист» присутствовал вездесущий адмирал Митчеллс⁶⁹.

Сообщения о визите «Великого посольства» в Англию, лондонский диарист заканчивает упоминанием, что Петр в конце апреля 1699 г. покинул «Туманный Альбион». Подробно

⁶⁰ Luttrell N. Op. cit. Vol. 4. P. 346.

⁶¹ Luttrell N. Op. cit. Vol. 4. P. 349.

⁶² Luttrell N. Op. cit. Vol. 4. P. 357.

⁶³ Luttrell N. Op. cit. Vol. 4. P. 359.

⁶⁴ Luttrell N. Op. cit. Vol. 4. P. 359.

⁶⁵ Luttrell N. Op. cit. Vol. 4. P. 359.

⁶⁶ Luttrell N. Op. cit. Vol. 4. P. 361, 368.

⁶⁷ Luttrell N. Op. cit. Vol. 4. P. 362.

⁶⁸ Luttrell N. Op. cit. Vol. 4. P. 370.

⁶⁹ Luttrell N. Op. cit. Vol. 4. P. 372.

описаны суммы, которые сужали русскому царю английские дельцы и о его переговорах по поводу поставок в Россию из Англии нового и диковинного для нашей страны импортного товара – табака. Об этом, впрочем, гораздо полнее известно по другим источникам.

Таким образом, Петр I, хотя и прибыл инкогнито, однако был принят британскими властями на самом высоком уровне, ввиду сложного положения тогдашнего короля-статхаудера Вильгельма Оранского. Царь провел на «Туманном Альбионе» неполных четыре месяца. Прежде всего, русского самодержца интересовали военно-морское дело, фортификация и основы навигационной науки. Думается, будущий российский император высоко оценил успехи англичан в области точных наук, мореплавания и крепостного дела. Петр I познакомился с политическими и военными чинами, а также религиозными лидерами. Посетил русский самодержец и местные достопримечательности: лондонские дворцы, Тауэр и Оксфорд. Не забывал будущий российский реформатор и о развлечениях. Визит Петр I был насыщенным, а его итогом стало привлечение широкого круга специалистов из Англии на службу в Россию, без деятельности которых не возможно воссоздать общую картину великих петровских преобразований.

Стефко Мария Станиславовна, канд.ист.наук, доцент кафедры музеологии РГГУ

Дворцы, соборы и коллекции искусства как повседневность путешественника: по страницам «Заметок о моём путешествии» Анны Ивановны Толстой

В ноябре 1789 года графиня Анна Ивановна Толстая, урождённая Барятинская, отправляется в путешествие по Европе. Причин для отъезда из России было немало, в том числе, желание повидаться с матерью принцессой Екатериной Петровной Гольштейн-Бек, отправившейся путешествовать несколькими месяцами ранее, а также стремление прийти в себя и поправить здоровье после рождения дочери Евдокии. По косвенным свидетельствам известно, что путешествие это совершалось не в одиночку, однако, упоминаний о спутниках графини мы не найдём на страницах «Заметок». Нет там и подробностей светской жизни Европы, хотя Анна Ивановна по рождению принадлежала не только к русской, но и европейской аристократии, ни россыпи путевых курьёзов, типичных для литературы путешествий – большая часть текста посвящена описанию и личным впечатлениям от увиденных достопримечательностей и произведений искусства. С чем связаны эти особенности текста, на что обращает внимание, что видит и как описывает свои впечатления путешественница? Таковы основные вопросы, рассматриваемые в докладе.

Урядова Анна Владимировна (Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова)

Родина как «иноземье»: к восприятию советской повседневности русской эмиграцией

Отношение русской пореволюционной эмиграции к Советской России и СССР не было однозначным. Оно зависело не только от партийной принадлежности и политических взглядов эмиграции. Русское зарубежье пыталось разобраться в том, что происходит на Родине. Контент-анализ источников эмигрантского происхождения позволяет выявить основные темы интереса. Среди них выделяется и такой аспект как повседневная жизнь советских людей. Что они едят, где покупают товары и какого качества, где лечатся, что читают, чем интересуются, чему учат детей, как обстоят дела с работой, чем занимаются в свободное время – эти и многие другие вопросы поднимались в русских зарубежных публикациях. Эмигранты не просто констатировали факты, но высказывали свое эмоциональное отношение к ним, часто сравнивая советскую жизнь с дореволюционной, жизнь советских граждан разных социальных групп, анализируя развитие ситуации в различные периоды советской истории (военный коммунизм, голод 1921 г., нэп и т.д.). При надо отметить, что далеко не всегда эмигранты описывали советский быт и повседневность «в черных красках». По форме это могли быть как аналитические и публицистические работы, так и карикатуры, фельетоны, басни. Эмиграция многого не понимала и не принимала в советской жизни. Родина, ставшая советской, оказалась для них чужим «иноземьем».

Фернандес А.П. (РГАФ).

Повседневная жизнь испанских политэмигрантов в СССР: проблемы социальной адаптации.

Основной причиной массового исхода испанских эмигрантов за границу стало поражение в Испанской гражданской войне антифашистских сил, в результате чего в стране надолго установилась диктатура Франсиско Франко. Неприятие новой власти, представлявшей угрозу для жизни, стремление переждать «смутное время» в более безопасном месте стали основными причинами вынужденного отъезда из страны.

Отправляясь в эмиграцию в СССР, мало кто из испанцев ясно представлял, что ждет их впереди. Безусловно, репутация Советского союза, страны, где произошли огромные изменения в результате победы социалистической революции, чье правительство активно помогало республиканским вооруженным силам, посылая оружие и военных специалистов, в глазах испанских коммунистов была очень высока. Однако сразу вскоре после приезда политэмигранты столкнулись со сложностями социальной адаптации, а первые несколько лет из-за незнания языка, необходимости осваивать новые профессии и приспосабливаться к резко изменившимся к социально-экономическим, политическим и социокультурным условиям, оказались одними из самых непростых, несмотря на то, что в Советском союзе статус политэмигранта давал определенные льготы.

Вскоре после приезда испанские коллективы оказались рассеяны по всей стране. Большинство были устроены на работу на предприятия тяжелой промышленности в качестве рабочих, остальные либо продолжали учебу в партшколах и военных учебных заведениях, либо поправляли здоровье в домах отдыха и санаториях. Так, согласно справке от 1 марта 1941 года, из 1818 человек политэмигрантов Испании и Чехословакии, прибывших в страну в 1939 и 1940гг., большинство – 1600 были устроены на работу, 74 человека были направлены на учебу в высшие учебные заведения и техникумы, 108 человек были определены в дом отдыха ВЦСПС «Переделкино», еще 36 человек оказались в доме отдыха ЦК МОПР⁷⁰.

Жизнь простых политэмигрантов, волею судеб оказавшихся в провинции, оказалась трудной. Им приходилось ютиться в неблагоустроенных общежитиях, испытывать недостаток одежды и обуви. Несмотря на то, что испанцы могли покупать продукты в специализированных буфетах при заводах, цены даже там казались чрезмерными, а в провинциальных предприятиях испанские коллективы часто жили обособлено и активно не участвовали в общественной жизни.

Отдельные политэмигранты не желали адаптироваться к жизни в Советском Союзе и открыто заявляли о желании уехать за границу. Их поведение сразу вызывало подозрение, нередко они становились объектами доносов.

Цель доклада, рассмотреть как в архивных документах, а также мемуарах испанцев на конкретных примерах описана их повседневная жизнь в Советском Союзе, отношения с местным населением, конфликтах двух культур на уровне индивидуального сознания.

---

⁷⁰ ГАРФ Ф. 5451 Оп.53 д. 106а Л.131

Татьяна Филиппова,
кандидат исторических наук, с.н.с. ИВ РАН, с.н.с. ИРИ РАН

**«Лукавая гейша» и «бедный аскер»:
«восточная повседневность» и европеизация стран Азии глазами русских сатириков
(начало XX века)**

Повседневность стран Азии – и как реальный объект журналистского наблюдения, и как метафора цивилизационной отсталости традиционных обществ – к началу XX столетия прочно «прописалась» на страницах отечественной печати, в том числе и печати сатирической. Экзотически яркие, легко поддающиеся гротескным трактовкам визуальности, образы Востока были излюбленным объектом для русских сатириков, позволяя создавать журналистски эффектные тексты и изображения.

Наступающий на всех «фронтах» «век войн и революций» привнёс много нового в эту область сатирического творчества. Бурные модернизационные процессы стран Востока, зачастую проходившие в форме неконтролируемой вестернизации, во многом дестабилизировали азиатские общества. Различие в темпах обновления разных сторон социального, экономического и политического уклада в сочетании с некритичным заимствованием готовых, инокультурных форм приводило к росту напряжения в социуме. Что, в свою очередь, вызывало традиционно репрессивную реакцию политических режимов, пришедших к власти в странах Востока на волне преобразований (Япония, Китай, Османская Турция, Персия Каджаров и пр.).

Аналогии с российской ситуацией, отмеченной шоком от поражения в войне с Японией 1904 – 1905 годов, Первой русской революцией и столыпинскими реформ, были столь очевидны, что легко оформлялись в яркие, метафоричные образы и стратегии критических риторик, в том числе и сатирических. «Азиатские проблемы» становились проекцией собственных кризисных процессов, порождённых очередным витком российской рецидивирующей модернизации. Как всегда – инициированной «сверху» и ускоренной, как всегда – внутренне противоречивой и социально затратной.

В подобном контексте «восточная повседневность» на страницах лучших, наиболее популярных и профессиональных по составу сатирических журналов («Стрекоза», «Сатирикон», «Новый Сатирикон», «Будильник», «Осколки» и др.) стала не только постоянным объектом внимания отечественных карикатуристов, сатирических писателей и поэтов, но даже темой специальных рубрик. Репертуар сюжетов, пополнявших эту яркую медийную тему, был разнообразен (обнищание масс, кризис нравственности и религиозного чувства, семейное насилие, бесправие женщин, разрушение традиционного уклада, этнические конфликты, вмешательство государства в личную жизнь подданных). Журналистские трактовки обозначенных проблем наглядно свидетельствовали о том, сколь актуальными оказывались в начале XX столетия сатирические интерпретации «азиатской повседневности», представавшей в зеркале сатиры отражением собственных, российских проблем.

Христолюбова Ю.С. (ИВ РАН).

Восприятие китайского «Чайного Пути» в современной России

Доклад посвящен опыту внедрения китайской этнической культуры в российское общество на примере чая и его результатах на сегодняшний день.

В 90-е годы в Россию проникает китайская культура потребления и чай, который пьют сами китайцы. До этого существовала русифицированная традиция чаепития, которая сильно отличалась от китайской как по этикету, так и по самому чайному листу. Новая культура внедряется в основном посредством легенд и притч, которые создали определенное мистическое отношение к китайскому чаепитию. И если в Китае это исторически сложившийся повседневный напиток с ритуальной составляющей, где в первую очередь уделяется внимание вкусу и качеству, то у нас, прежде всего, духовно-философский. Именно о восприятии исконной китайской чайной традиции в России и ее понимании пойдет речь.

Шамин С.М.

Иноземная повседневность в зеркале юмористических курантов Петра II

Иностранная пресса широко использовалась при обучении русских государей. Первым из царей, которые постигали тайны международной политики по переводам газет, был Петр I. Воспитатель царевича Алексея Петровича, Г. Гюйссен включил в программу его обучения знакомство с французской прессой. Чтение газет Гюйссен рассматривал как продолжение знакомства с политической историей. С прессой полагалось знакомиться регулярно, каждый почтовый день – т.е. два раза в неделю. Отдельно акцент делался на выходящем два раза в месяц «Меркурии историческом». Вместе с чтением этих изданий полагалось вести нравоучительные беседы на политические, географические и исторические темы. Воспитатель Петра II (внука Петра Великого) А.И. Остерман также включил иноземную прессу в учебную программу. Однако здесь отлаженная система дала сбой. Самодержавный отрок, не имевший родительского контроля, серьезной прессой не увлекся. Для него пришлось изготавливать специальные «курьезные» куранты, состоявшие из чудес, происшествий, диковин. Они представляли собой калейдоскоп повседневной жизни Европы рассматриваемого периода. В докладе будет сделан обзор этих материалов.

Шевцов Дмитрий Викторович

Жизнь в испанской Калифорнии в письмах и донесениях Н.П. Резанова

Предлагаемый доклад посвящен проблеме восприятия испанской повседневности в Калифорнии в письмах и донесениях Николая Петровича Резанова, в ходе его участия в первой русской кругосветной экспедиции (1803-1806 гг.).

Одной из задач, стоявших во время плавания перед камергером двора Его Величества, была инспекция российских колоний на Аляске, в ходе которой выяснилось плачевное состояние поселений, находившихся на грани реального голода. Для решения данной проблемы Н.П. Резанов отправился в испанскую Калифорнию с целью проведения переговоров по закупке продовольствия в Русскую Америку.

Перед ним стояла крайне трудная для выполнения задача, поскольку Мадридский королевский двор жестко ограничивал колониальным властям любые контакты с иностранными делегациями. Однако Н.П. Резанов проявил себя как выдающийся дипломат, сумев достаточно быстро расположить к себе губернатора Калифорнии, и достиг договоренности о поставке необходимых продуктов питания в российские поселения на Аляске. Тем самым, Н.П. Резанову удалось спасти Русскую Америку от неминуемой катастрофы.

В ходе своего 6-недельного пребывания в Калифорнии он сделал ряд наблюдений о жизни в регионе, отраженных в его личной переписке и донесениях Главному Правлению Российско-американской компании. Цель доклада - изучить на основе данных письменных источников восприятие Н.П. Резановым повседневной жизни испанцев в Новом Свете, его оценку природно-климатических условий региона и представления колониальных испанцев о российских подданных.